

КОРОЛЬ- ПРЕДАТЕЛЬ

*Скандальное изгнание герцога
и герцогини Виндзорских*

ЛУЧШАЯ
КОРОЛЕВСКАЯ
БИОГРАФИЯ
2021 ГОДА
ПО ВЕРСИИ DAILY
MAIL

ЭНДРЮ ЛОУНИ

Автобиография-бестселлер

Эндрю Лоуни

**Король-предатель.
Скандальное изгнание герцога
и герцогини Виндзорских**

«ЭКСМО»

2021

УДК 929(410)
ББК 63.3(4Вел)-8

Лоуни Э.

Король-предатель. Скандальное изгнание герцога и герцогини Виндзорских / Э. Лоуни — «Эксмо», 2021 — (Автобиография-бестселлер)

ISBN 978-5-04-176530-9

Лучшая королевская биография 2021 года по версии Daily Mail. Бестселлер THE SUNDAY TIMES. Откровенная биография самой неоднозначной и скандальной пары XX века – бывшего короля Эдуарда VIII и разведенной американки Уоллис Симпсон. 1936 год. Декабрь. Англия. Новоиспеченный король Эдуард VIII отрекается от престола ради любимой женщины.

Их отношения сопровождались многочисленными скандалами, которые должны были закончиться после свадьбы. Но, как показала история, с этого все только начиналось. Историк Эндрю Лоуни погружается в доселе не известные широкой публике архивы и интервью, срывая маски с герцогской четы: симпатии фашизму и дружба с Гитлером; секретные документы о попытке завербовать герцога как немецкого шпиона, тщательно скрываемые Черчиллем; нежелание Эдуарда раскрыть убийство лучшего друга, пока Виндзор занимал пост губернатора Багамских остров; полномасштабная вражда с британской короной из-за финансовых махинаций и публичных выходок пары; многочисленные любовные связи Уоллис в браке со слабым и жалким мужем. В «Короле-предателе» раскрыта вся правда об изгнании, бегстве и интригах герцога Виндзорского, отвернувшегося от семьи и страны ради денег и большой страсти к одной женщине. «Мрачно неотразимый... сотни сногсшибательных деталей... захватывающий... убийственный портрет Виндзоров». – Daily Mail «Книга недели» «Динамично написанный и маниакально читаемый...» – Э. Н. Уилсон, TLS «Скруплезно исследованный». – Spectator «Зрелищно... убедительно... современно. Обязательное чтение для членов королевской семьи». – Evening Standard В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929(410)
ББК 63.3(4Вел)-8

ISBN 978-5-04-176530-9

© Лоуни Э., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1. Год трех королей	7
Глава 2. В ожидании свадьбы	10
Глава 3. Свадьба	18
Глава 4. Медовый месяц	22
Глава 5. Тур в Германии	29
Глава 6. Интерлюдия	35
Глава 7. Обратный отсчет до войны	43
Глава 8. Фальшивая война	48
Глава 9. Побег	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эндрю Лоуни
Король-предатель. Скандальное изгнание
герцога и герцогини Виндзорских

Andrew Lownie

TRAITOR KING

Copyright © by Andrew Lownie, 2021

© Пономарева М.В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1. Год трех королей

В пятницу, 11 декабря 1936 года, в парламенте прошло окончательное голосование по Акту об отречении, и Эдуард VIII перестал быть королем. Он правил 326 дней. Так сбылись опасения его отца – не пройдет и двенадцати месяцев с его смерти, как сын «погубит себя».

Новоиспеченный герцог Виндзорский провел вторую половину дня, собирая вещи и читая письма поддержки и сочувствия в своем загородном доме форт Бельведер в Большом Виндзорском парке. Псевдоготическое нагромождение из зубчатых стен, турелей и башен было возведено для Уильяма, герцога Камберлендского, между 1746 и 1757 годами. Позже, в царствование Георга IV, к нему приложил руку архитектор эпохи регентства¹ сэр Джеффри Уайетвилль.

Принц Эдуард занял эту королевскую резиденцию в 1929 году. Потом он напишет: «Форт был для меня больше, чем дом, это был образ жизни. Я создал форт так же, как мой дед создал Сандрингем, я точно так же его любил, тут прошли самые счастливые дни моей жизни»².

Сэр Джайлс Гилберт Скотт добавил гостевое крыло в 1936 году, а Эдуард установил центральное отопление, ваннные комнаты, теннисный корт, бассейн и турецкую баню в подвале. Это место стало для него убежищем: здесь принц проводил в развлечениях большую часть выходных, и именно здесь разыгрался его роман с женщиной, ради которой он отказался от трона. Теперь Эдуард должен был покинуть свой дом и распрощаться с персоналом, чтобы отправиться в неопределенное будущее.

В 16:00 Уинстон Черчилль, ранее обедавший с ним, покинул Форт со слезами на глазах, бормоча строчки из стихотворения Эндрю Марвелла об обезглавливании Карла I:

И в сцене памятной той
Застыл он будто бы немой.

Затем последовал прощальный ужин в кругу семьи: его сестры Марии и матери, королевы Марии, вдовы Георга V, его младших братьев – Генри, герцога Глостерского, Джорджа, герцога Кентского, и Берти, нового короля Георга VI.

В 19 часов верный шофер Джордж Лэдброк отвез Эдуарда в находящийся в пяти милях Ройял-Лодж, где собралась вся семья. Атмосфера стояла напряженная: Берти привыкал к бременю своего нового положения, пока остальные пытались оправиться от последних событий: Дэвид (так звали Эдуарда среди близких) угрожал покончить жизнь самоубийством, если ему не дадут жениться на дважды разведенной американке Уоллис Симпсон.

Новый герцог Виндзорский наконец почувствовал себя свободным. Одержимость Уоллис дала ему возможность отказаться от королевских обязанностей, которые с каждым днем тяготили все сильнее. Она же позволила правительству, обеспокоенному отсутствием у него необходимых для монарха качеств и его политическими взглядами, особенно в отношении Германии, заставить его отречься от престола.

В 21:30 еще продолжался ужин, когда прибыл адвокат Уолтер Монктон, доверенный советник Эдуарда и его друг со времен Оксфорда, чтобы сопроводить бывшего короля в Виндзорский замок для выступления перед народом. Они молча ехали по Лонг-Уолк – кернтерьер Уоллис по кличке Слиппер устроился на коленях у герцога – и свернули в огромный Верхний двор, он же Четырехугольник. Затем остановились у Государева входа, где их ждал сэр Джон

¹ Эпоха регентства – период в истории Англии с 1811 по 1820 г., когда страной правил принц-регент Георг из-за недееспособности своего отца, короля Георга III.

² The Duke of Windsor, A King's Story (Cassell, 1951). P. 412.

Рейт, генеральный директор Би-би-си. Виндзор вышел из машины, держа сигару в одной руке и Слиппера – в другой, и представил Монктона Рейту.

Трансляция должна была проходить в бывших королевских покоях, небольших апартаментах в башне Августа. Учитывая их размеры, большую часть электрооборудования пришлось установить в коридоре. Эдуард поприветствовал техников и прошел в гостиную, где на столе уже стояли микрофоны и лежала вечерняя газета, а напротив расположили кресло. Рейт передал принцу листок и попросил прочитать вслух несколько строк, чтобы проверить громкость голоса – был выбран отрывок о большом теннисе. Затем герцог заскочил в туалет и вернулся со словами: «Полагаю, больше у меня не будет возможности воспользоваться этим местом»³.

Незадолго до 22 часов Рейт сел у микрофона, ожидая красного света. Когда сигнал подали, он начал: «Это Виндзорский дворец. Его Королевское Высочество принц Эдуард». Едва он освободил кресло, бывший король тут же сел в него.

«Наконец-то я могу сказать несколько слов от себя». Эдуард похвалил своего брата Берти и щедро отозвался о премьер-министре Стэнли Болдуине, продолжая:

«Я обнаружил, что не могу нести тяжелое бремя ответственности и выполнять свой долг короля так, как мне хотелось бы, без помощи и поддержки женщины, которую люблю... Теперь я полностью оставляю государственные дела и слагаю свои обязанности.

Возможно, когда-нибудь я вернусь на родину, но всегда буду с глубоким интересом следить за судьбой британской расы и империи, и если когда-нибудь в будущем смогу оказаться полезным Его Величеству на частной должности, то не потерплю неудачу. Теперь у всех нас новый король. От всей души желаю ему и вам, его народу, счастья и процветания. Да благословит вас всех Бог. Боже, храни короля».

После выступления заиграл государственный гимн. На протяжении всей трансляции за спиной герцога присутствовал Монктон. Когда он потянулся вперед, чтобы закончить речь, Виндзор положил руку ему на плечо и сказал: «Уолтер, будет лучше, если я уйду»⁴. Уинстон Черчилль, всеми силами старавшийся воспрепятствовать отречению, не смог сдержать слез, пока слушал речь из Чартвелла, своей резиденции.

Уоллис Симпсон застала трансляцию в гостиной виллы Лу Вей, принадлежавшей ее друзьям, Герману и Кэтрин Роджерс, в Каннах, где она укрылась несколькими неделями ранее. «Я лежала на диване, закрыв глаза руками, пытаясь скрыть слезы, – вспоминала она позже. – Когда он закончил, остальные тихо ушли и оставили меня в покое. Я долго и неподвижно лежала, прежде чем собраться с силами пройти через весь дом и подняться в свою комнату»⁵.

В 22:30 Виндзор вернулся в Ройял-Лодж, чтобы попрощаться с семьей. Дикки Маунтбеттен, чьим шафером в 1922 году был Эдуард, по такому случаю приехал из форта и позже вспоминал: «Слезы еще не успели высохнуть у нас на щеках, как вошел Дэвид, но сам Дэвид ликовал. Он был похож на школьника, уезжающего на каникулы. «Все кончено! – твердил он. – Слава богу, все кончено!»⁶

Королева Мария и королевская принцесса ушли первыми в 23:30. Чипс Чэннон, основываясь на своей записи из дневника о разговоре с Монктоном несколько дней спустя, написал, что «Королева Мария, как всегда великолепная, была нема, недвижна и очень царственна. Она предусмотрительно отказалась от траурного облачения на тот вечер, чтобы не навевать

³ J. Bryan III and C. J. V. Murphy. *The Windsor Story*.: Granada, 1979. P. 285.

⁴ Lord Birkenhead. *Walter Monckton*.: Weidenfeld & Nicolson, 1969. P. 152.

⁵ *The Duchess of Windsor, The Heart Has Its Reasons*.: Michael Joseph, 1956. P. 278. По словам горничной, опрошенной биографом Уоллис Ральфом Мартином, Уоллис с мрачным лицом пробормотала: «Дурак, глупый дурак». *Ralph Martin. The Woman He Loved*.: WH Allen, 1974. P. 295.

⁶ Bryan and Murphy, p. 287.

еще большего уныния»⁷. Через полчаса прощание закончилось, и четверо братьев направились к дверям. Герцог Кентский с опухшими от слез глазами рыдал: «Это невозможно! Этого не может быть!»⁸

Георг VI позже вспоминал: «Мы поцеловались, расстались на масонский манер, и он поклонился мне как своему королю»⁹. Эдуард склонился перед новым королем и провозгласил: «Да благословит вас Бог, сэр! Надеюсь, вы будете счастливее, чем ваш предшественник» – и исчез в ночи, оставив королевскую семью наблюдать за его уходом¹⁰.

В сопровождении офицера личной охраны, старшего инспектора Дэвида Сторриера, Лэдброк под проливным дождем отвез герцога в Портсмут. Прибыв в 1:30 ночи к Главным воротам, а не к Юникорн-гейт, они с трудом – довольно символично – нашли Королевскую пристань. Военно-морская стража с винтовками и примкнутыми штыками в течение нескольких часов держала караул на холодной, темной и пустынной набережной. Присутствовали и некоторые члены личного персонала герцога: хранитель тайного кошелька Улик Александер, его личный секретарь Годфри Томас и конюший с 1919 года Пирс Лег, вызвавшийся сопровождать бывшего хозяина в изгнании.

Виндзор со Слиппером под мышкой взошел по трапу на его величества корабль «Фьюри», в пользу которого отказались от выбранного первоначально корабля его величества «Чародейки». «Я знал, что безвозвратно остался один, – писал Эдуард позже. – Разводные мосты поднимались за моей спиной».

⁷ 21 December 1936, Robert Rhodes James (ed.), *Chips: The Diaries of Sir Henry Channon*.: Weidenfeld & Nicolson, 1967. P. 103.

⁸ Windsor, King's Story, p. 414.

⁹ Bryan and Murphy, p. 287. Виндзор вступил в ложу Домашней бригады № 2164 в 1919 году, Берт – в военно-морскую ложу № 2612 в том же году.

¹⁰ Rhodes James, Channon, p. 103.

Глава 2. В ожидании свадьбы

Его величества корабль «Фьюри» отплыл в 2 часа ночи, но из-за плохой погоды встал на якорь у острова Уайт, чтобы герцог смог немного поспать. Капитану Сесилу Хоу пришлось в спешке одолжить постельное белье, посуду и стаканы с Королевской яхты; на борт был доставлен хирург-командир «на случай, если психическое состояние бывшего короля заставит его потребовать какой-либо медицинской помощи во время плавания»¹¹. Эдуард был в порядке, предпочитая сидеть в кают-компании до 4 часов утра, пить бренди и до изнеможения обсуждать события последних нескольких недель с Пирсом Леггом и Уликом Александером, которые сопровождали его через Ла-Манш.

Большая часть времени была потрачена на отправку прощальных телеграмм друзьям. Когда Эдуарду сказали, что от беспроводной связи придется отказаться, едва корабль войдет в территориальные воды, было приказано вернуть «Фьюри» в море на то время, пока герцог не закончит с сообщениями. «Позже он с радостью признался другому приближенному лицу, лорду Браунлоу, что удалось порядочно сэкономить на письмах за счет бесплатных телеграмм»¹². Корабль пришвартовался на рассвете. Первым делом Виндзор позвонил Уоллис.

Практически всю субботу она в подавленном настроении провела в постели. Ее подруга Констанс Кулидж рассказала журналистке Хелен Уорден Эрскин, прослушав трансляцию:

«Можете ли вы представить себе участь более ужасную, чем публично оправдывать легенду о любви, которой вы не чувствуете? Сутки напролет проводить с мальчишкой средних лет, у которого нет другой цели в жизни, кроме как собственнической страсти к тебе?»¹³

Уоллис, бывшая на два года моложе принца Уэльского, впервые была представлена ему на вечере, устроенном леди Фернесс в январе 1931 года. В течение следующих трех лет они встречались в обществе, и к январю 1934 года она стала его фавориткой. Вскоре принц заговорил о браке. Ситуация обрела критический оборот, когда сначала Эдуард стал королем в январе 1936 года, а затем в октябре Уоллис получила развод от своего второго мужа Эрнеста Симпсона, щеголеватого руководителя судоходной семейной компании, с которым состояла в браке с 1928 года.

Проблема заключалась и в двух разводах Уоллис – первый, ранний брак в возрасте двадцати лет с американским военно-морским летчиком Эрлом Уинфилдом Спенсером закончился разводом в 1927 году. По правилам Англиканской церкви во главе с монархом повторный брак разведенного человека при живом супруге считался недопустимым. Принцу необходимо было выбирать между короной и женитьбой на Уоллис. Хотя она предложила им расстаться, Эдуард был полон решимости идти вперед, даже если это означало отказаться от трона.

Помимо ее разводов, в правительственных кругах давно существовали опасения о пригодности Симпсон в качестве возможной королевы – не в последнюю очередь из-за ее прогерманских взглядов, любовников и больших трат принца на ее подарки – в том числе драгоценные камни. За ней было установлено наблюдение полиции.

В отчете Специального отдела за июнь 1935 года отмечалось, что миссис Симпсон:

¹¹ Alfred Shaughnessy. *Both Ends of the Candle.*: Peter Owen, 1978. Pp. 44–46.

¹² Martin, p. 303.

¹³ Helen Erskine interview, Box 74.: Columbia University, and Andrew Morton; *Wallis in Love: The Untold True Passion of the Duchess of Windsor.*: Michael O'Mara, 2018. P. 229.

«Считается персоной, предпочитающей общество мужчин и имеющей множество «романов»: встречалась с разными мужчинами по указанным адресам. Хотя она проводит много времени с Принцем Уэльским (ПУ), говорят, у нее на содержании есть тайный любовник»¹⁴.

В следующем месяце Лайонел Хэлси, казначей принца Уэльского, написал личному секретарю Георга V Клайву Уигрэму об Уоллис: «В настоящее время имеет очень солидный доход... Я также сообщил Его Величеству, что, по моему мнению, и миссис С., и ее муж сообщают все, что можно, от Его Королевского Высочества»¹⁵.

Именно в такой обстановке в течение нескольких недель Уоллис получала угрозы и письма, наполненные ненавистью¹⁷. По соображениям протокола они с Эдуардом жили в разных странах, пока не вышел абсолютный указ. 9 декабря клерк адвоката Эссекса Фрэнсис Стивенсон подал иск в Высокий суд с тем, чтобы абсолютный указ не вступал в силу из-за сговора и прелюбодеяний Уоллис с бывшим королем в своих домах на Брайанстон-корт, 5 и Камберленд-Террас, 1, в форте Бельведер и в отпуске на борту яхты «Налин» осенью 1936 года. Отказавшись уже от столь многого, теперь они могли не пожениться.

В правительственных кругах по-прежнему опасались сторонников герцога и личных амбиций Уоллис. 10 декабря офицер Скотленд-Ярда заявил комиссару сэру Филипу Гейму, что два сотрудника личной охраны остались с ней в Каннах, поскольку она «намеревалась «улететь в Германию»¹⁸. Несколько дней спустя офицеры сообщили о телефонном разговоре Уоллис с герцогом о регулировании финансов после отречения: «Если они не обеспечат тебе этого (sic), я вернусь в Англию и буду бороться до победного конца. Коронация станет невозможна после той истории, которую я расскажу британской прессе»¹⁹.

10 декабря Гораций Уилсон, высокопоставленный государственный чиновник, написал канцлеру казначейства Невиллу Чемберлену о своих опасениях по поводу намерений Симпсон:

«...не только вернуться сюда, но и (потому тому, что она ожидает щедрого выделения государственных средств) организовать свой собственный «Суд» и – в этом не может быть никаких сомнений – сделать все возможное, чтобы создать неудобства для нового престолонаследника. Не следует думать, что она оставила надежду стать королевой Англии. Известно, что у нее безграничные амбиции, в том числе желание вмешиваться в политику: она поддерживала связь с нацистским движением и имеет определенные представления о диктатуре»²⁰.

В ночь перед трансляцией герцога 500 сторонников нацистского режима собрались в Букингемском дворце, скандируя: «Мы хотим Эдуарда!» и «Раз, два, три, четыре, пять, мы хотим Болдуина, живого или мертвого!» Позже толпа собралась на Даунинг-стрит. На следующий день, во второй половине дня, 3000 человек приняли участие в массовом митинге в Степни, на котором лидер Британского союза фашистов сэр Освальд Мосли потребовал, чтобы вопрос отречения был поставлен перед народом. 11 декабря активистка сионистской кампании Бланш Дагдейл написала в своем дневнике, что ее друг, историк Джек Уилер-Беннетт, «отчитался: Риббентроп использовал миссис Симпсон, но добыть доказательства непросто»²¹.

¹⁴ MEPO 10/35. Он был идентифицирован как Гай Трандл, продавец из Ford Motor Company.

¹⁵ 18 July 1935, RA/PS/PS/GVI/PS/C/019/287, quoted Alexander Larman, *The Crown in Crisis* (Weidenfeld & Nicolson, 2020), p. 24.

¹⁶ Его Королевское Высочество – титул, присваиваемый супругу королевы и младшим членам семьи.

¹⁷ Сразу после Рождества канадец Элмор Лоуэлл Стейплс угрожал убить герцога и был арестован за хранение ножа и пистолета.

¹⁸ Записи телефонного разговора с инспектором Эвансом, 10 December, MEPO 10/35, The National Archives (TNA). Also CAB 21/4100/2, TNA.

¹⁹ MEPO 10/35, TNA.

²⁰ Horace Wilson to Chamberlain, 10 December 1936, PREM 1/453, TNA.

²¹ Blanche Dugdale diary, 11 December 1936, любезно предоставлен Адамом Фергюсоном.

Тем временем герцог из Булони пульмановским спецрейсом переправился в Австрию. Там ему предоставили в пользование замок Энзесфельд, дом баронов Юджина и Китти Ротшильд, недалеко от Вены, после того как выяснилось, что ему негде найти пристанище до момента свадьбы с Уоллис. Первоначальная эйфория теперь уступила место осознанию реалий сложившегося положения. В воскресенье, 13 декабря, архиепископ Кентерберийский произнес проповедь, в которой ругал герцога за то, что тот искал:

«...счастье, не совместимое с христианскими принципами брака, к тому же в кругу общества, чьи стандарты и образ жизни чужды лучшим инстинктам его народа... испорчен пагубной симпатией к вульгарному обществу и увлечением этой миссис Симпсон»²².

Герцог разозлился настолько, что консультировался с Монктоном по поводу судебного иска²³.

В официальных кругах прошла волна облегчения: кризис с отречением, казалось, миновал и парочка нейтрализована. Люди, хорошо знавшие герцога, не тосковали по нему. Гарольд Николсон отметил в своем дневнике, после обеда 14 декабря с бывшим помощником личного секретаря герцога, сэром Аланом «Томми» Ласселлсом, как он:

«...испытывает облегчение, почти нескромное, от падения своего хозяина... Король был похож на ребенка из сказки, наделенного всеми дарами, кроме души. В нем не было ничего, что понимало бы интеллектуальные или духовные стороны жизни, искусство во всем его многообразии – поэзия, музыка и прочее – было ему недоступно, мертво... У него не было друзей в этой стране, тех, кого он хотел бы увидеть снова... У него не было души, и это сводило его с ума... Он никогда не заботился об Англии или англичанах. Он ненавидел свою страну и не любил, когда ему напоминали про обязанности»²⁴.

Это мнение разделял депутат парламента Роберт Бернейс, который размышлял в своем дневнике несколькими днями ранее:

«У него нет ни одного настоящего друга, на которого можно положиться в этой ужасной ситуации. Он, похоже, находится в стадии замедленного развития: так и не перешел из отрочества в зрелость. Это избалованный ребенок с золотой ложкой во рту и менталитетом кинозвезды. Свою работу он видит исключительно в выступлениях перед ликующей толпой... Он никогда не имел полного представления о своих обязанностях. Воображал, что сможет спокойно уйти, возложив на плечи брата скучные церемониальные функции, и вести спокойную жизнь, ухаживая за садом в форте Бельведер и отдыхая на Ривьере. Время от времени прерываясь на открытие больницы или осмотр автопарка под столь много значащие для него одобрительные возгласы. Впервые ему открыли глаза на то, что отречение означает изгнание и что до конца своей жизни он не сможет служить никакой полезной цели»²⁵.

Виндзор был непростым гостем в доме. Китти Ротшильд перевезла персонал из своей резиденции в Париже и приложила огромные усилия, чтобы сделать Шлосс как можно более гостеприимным. Принцу было предоставлено в распоряжение несколько комнат – спальня, гостиная, библиотека, комната для курения и ванная. Но он оставался в подавленном, раздраженном состоянии.

Герцог смотрел фильмы с Микки-Маусом, знакомился с местными достопримечательностями, гулял, играл в гольф и кегли, катался на лыжах и раз в неделю принимал турецкую баню в Вене. Были и карточные игры, в которых он «играл по высоким ставкам, а когда выигрывал, то радостно забирал свой выигрыш. Но ничего не платил в случае проигрыша»²⁶. По словам

²² Philip Ziegler. King Edward VIII.: Collins, 1990. P. 338.

²³ Martin, p. 305.

²⁴ 14 December 1936, Nicolson MS, Balliol College.

²⁵ 9 December 1936, Robert Bernays and Nick Smart (eds.). The Diaries and Letters of Robert Bernays, 1932–1939: An Insider's Account of the House of Commons.: Edwin Mellen Press, 1996. P. 279.

²⁶ Stephen Birmingham. Duchess.: Futura, 1986. P. 166.

Пирса Лега, оставшегося в сопровождении, Виндзор «очень громко и долго играл на джазовых барабанах под граммофонную пластинку; выпивал довольно много бренди и исполнял свою знаменитую пародию на Уинстона Черчилля, пытающегося убедить его не отречься от престола»²⁷.

Совершая покупки, он отправлял счета в британскую миссию, где никто не знал, что с ними делать, пока конюший не оплатил их из своего кармана²⁸. Вероятно, это был Лег. В конце концов британское правительство заявило, что закупки не являются их обязанностью, и счета были отправлены Ротшильдам. Обедая с сэром Уолфордом Селби, британским послом, Эдуард спросил, что это за серебряные кольца. Узнав, что это кольца для салфеток, герцог выразил удивление тем, что «при каждом приеме пищи не требовалось свежего белья»²⁹.

Большую часть времени он проводил в телефонных разговорах с Уоллис – счет за связь в конце его пребывания дошел до 800 фунтов. Ожидалось, что Ротшильды оплатят и его.

Эдуард скучал по Уоллис. Перси Браунлоу, его верный друг, который еще в декабре сопровождал Уоллис на юг Франции, теперь присоединился к нему и вспоминал:

«Разговаривали с ним до трех часов утра... Вокруг его кровати, на стульях и столах, были развешаны фотографии Уоллис – я насчитал шестнадцать. Казалось, он заточил себя в склеп. И в этих закромах крепко спал в обнимку с маленькой подушкой, на которой вышиты инициалы У. С.»³⁰.

Униженный, возмущенный отказом своей семьи признать женщину, которую он любил, и затянувшимися финансовыми проблемами, Виндзор стал почти параноиком. Позже он признавался: «Именно чувство бессилия приблизило меня к критической точке. Я ничего не мог сделать, кроме как ждать и считать дни»³¹. Ситуацию усугубляла ревность – Уоллис подозревала, что у герцога был роман с Китти Ротшильд.

Еще одной проблемой была серия статей, опубликованных 17 декабря в различных американских газетах. Материалы написал Ньюболд Нойес, муж троюродной сестры Уоллис. Нойес, на тот момент совладелец «Вашингтон Ивнинг Стар», крупнейшей ежедневной столичной газеты, предложил написать несколько статей в поддержку пары. В ноябре прошедшего года он приехал в Великобританию, где ему предоставили офис в Букингемском дворце, и на основе трехчасовых интервью набросал около 14 000 слов. Но теперь статьи пришлось не по вкусу самим героям.

Уоллис объявила, что не приглашала автора в Великобританию, они не были знакомы и она не одобрила статьи. Весь следующий год стороны обменивались замечаниями о достоверности материалов, и Уоллис попыталась подать в суд на Нойеса. Адвокатом должен был выступить Арман Грегуар, который представлял интересы ее бывшего мужа Эрнеста Симпсона во Франции. Выбор оказался неудачным.

Грегуар, чью внешность отличал полученный в дуэли шрам на левой щеке, также был адвокатом важных должностных лиц Гитлера: министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа, заместителя фюрера Рудольфа Гесса, главнокомандующего люфтваффе Германа Геринга. Грегуар также представлял в Париже сэра Освальда Мосли, где тот отвечал за распределение средств, выделенных Муссолини Британскому союзу фашистов. Арман был основателем и руководителем фанатичного движения франкистов Марселя Букара, одной из ведущих фашистских ячеек во Франции. Под псевдонимом Грег Ле Франк адвокат публиковал прогит-

²⁷ Shaughnessy, p. 64.

²⁸ Iles Brody. *Gone with the Windsors*.: John Winston Company, 1953. P. 238, and Birmingham, p. 166.

²⁹ Birmingham, p. 168.

³⁰ Interview, Martin, p. 306.

³¹ Bryan and Murphy, p. 318.

леровские статьи в «Ле Франсист», официальном журнале движения. Согласно отчету французской газеты «Сюрте» за 1934 год, он был «одним из самых опасных нацистских шпионов»³².

Тот факт, что именно Грегуара Уоллис назначила своим адвокатом, еще больше упрочил опасения в официальных кругах. Уже 18 декабря, через неделю после отречения, дипломат Оорм Сарджент составил докладную записку о связи герцога с Риббентропом. Сарджент отметил, что Гитлер был «очень огорчен тем, как пошли дела в стране, поскольку король пришелся фюреру по душе, понимал его принципы и был готов внедрить их в свою вотчину»³³.

* * *

У герцога по-прежнему было вспыльчивое, угрюмое, скучающее и подавленное настроение. Китти Ротшильд из всех сил старалась его развлечь, устроив музыкальное шоу в канун Рождества с приглашенными артистами из Парижа, но герцог не удосужился присутствовать. На следующее утро Китти положила подарок – набор сапфировых запонок от Картье – на тарелку для завтрака. Подарок застал Эдуарда врасплох, но он тоже пообещал ей кое-что. Позже в тот же день герцог «подарил Китти свою фотографию с автографом»³⁴. Тем временем Уоллис провела Рождество на вилле Мореск в гостях у Сомерсета Моэма со своей подругой, дизайнером интерьеров Сибил Коулфакс.

Прибытие в замок Энзесфельд старого друга Эдуарда «Фрути» Меткалфа помогло исправить ситуацию. Меткалф был на три года моложе герцога: высокий, красивый кавалерийский офицер, получивший Военный крест во время Первой мировой войны. Двое мужчин встретились во время турне Виндзора по Индии в 1922 году. Эдуард быстро назначил Меткалфа адъютантом – принца привлек оптимизм ирландца, добродушие, преданность, умение разбираться в лошадях и личная дружба со многими махараджами.

Герцогу требовалось время, чтобы свыкнуться с новой ситуацией. Валлийская гвардия не хотела видеть его своим главнокомандующим, а Эдуард также перестал быть членом Тайного совета. Но были и компенсации: приглашения открыть колонию нудистов Зорин-Спрингс и стать мэром Чиппева-Фолс в Висконсине. А театр «Орфеум» в Лос-Анджелесе предложил Эдуарду и его «прекрасной леди» миллион долларов и особняк в Голливуде за участие в съемках «потрясающего исторического фильма»³⁵.

Герцог продолжал названивать новому королю в любое время суток, но сам отвечал не всегда. «Сегодня вечером за ужином ему сказали, что король желает поговорить с ним по телефону. Эдуард заявил, что не может ответить на звонок, но попросил соединить его в 22 часа», – написал Джон Меткалф своей жене Александре 22 января. «В ответ его величество заявил о своем выступлении завтра в 6:45 утра, поэтому он не может говорить в другое время. Было жалко видеть лицо Эдуарда. Он не мог в это поверить! Герцог так привык, чтобы все делалось по его желанию. Боюсь, у него будет еще много подобных потрясений»³⁶. В конце концов Георг VI велел коммутатору Букингемского дворца вообще не звонить брату.

Эти телефонные звонки, которые прослушивались немцами, нужны были Эдуарду не только для того чтобы уладить собственные дела – его имущество было перевезено из форта Бельведер во Фрогмор. Герцог хотел договориться о финансовом урегулировании и добиться признания Уоллис семьей.

³² 9 April 1934, Charles Higham, Mrs Simpson. Secret Lives of the Duchess of Windsor.: Sidgwick & Jackson, 1988. P. 103.

³³ Führerprinzip означает «принцип лидера», политическая идеология Гитлера об абсолютной власти лидера нацистской партии и полном повиновении всех подчиненных. Royal Archives (hereafter RA) PS/PSO/GVI/PS/C/019/378.

³⁴ Birmingham, p. 166.

³⁵ Ziegler, p. 347.

³⁶ Anne de Courcy. The Viceroy's Daughters.: Weidenfeld, 2000. Pp. 248–249.

Берти сочувствовал брату, но его мать королева Мария была непреклонна – ничто не должно создавать впечатления, будто королевская семья приняла эти отношения. Такую точку зрения разделяли новая королева и большинство придворных. Когда лорд Квинборо спросил Елизавету, сможет ли герцог вернуться в Британию, она якобы ответила: «Не раньше, чем на мои похороны»³⁷.

Результатом стало охлаждение отношений между братьями и неприязнь, которая сохранилась на протяжении всей жизни герцога. Он был шокирован тем, что у младшего брата не было времени на долгие и частые телефонные звонки, но настоящий разрыв произошел из-за финансовых вопросов.

При отречении было решено, что герцог будет получать 25 000 фунтов стерлингов в год – ежегодную ренту, традиционно выплачиваемую младшему брату монарха либо из Цивильного листа, либо, если парламент не даст добро, лично от брата. Быстро выяснилось, что бывший король оказался намного богаче, чем утверждал или предполагал. Он сказал своему брату, что у него есть чуть меньше 100 000 фунтов стерлингов. Хотя на самом деле у него было около 800 000 фунтов стерлингов на депозите за границей, большая часть которых контролировалась миссис Симпсон; и еще 80 000 фунтов стерлингов вскоре должны были быть выплачены из Цивильного листа и от герцогств Корнуолла и Ланкастера³⁸.

Герцог считал, что его личное богатство не имеет отношения к компенсации за отказ от королевских владений Балморал и Сандрингем, повторив, что он недостаточно обеспечен, «учитывая положение, в котором я ныне пребываю, и жертвы, которые я принес»³⁹. Переговоры по этому вопросу должны были продолжаться в течение следующего после отречения года.

Несколько недель спустя к Эдуарду прибыл его старый друг Уолтер Монктон, чтобы попытаться договориться о финансах после того, как Виндзор якобы пригрозил не продавать Балморал и Сандрингем, заявив, что «синдикат спортсменов Седьмой авеню» в Нью-Йорке готов платить за аренду имущества сумму достаточную для того, чтобы не поднимать вопрос о продаже⁴⁰.

Фиктивная продажа Сандрингема, Йорк-коттеджа, Балморала, Биркхолла и их содержимого обошлась в 256 000 фунтов стерлингов, которые, будучи вложенными в целевой фонд, приносили доход в размере 5000 фунтов стерлингов в год. Вместо того чтобы открывать ящик Пандоры, добиваясь выделения средств через Цивильный лист, Георг VI согласился добавить к этой сумме еще 20 000 фунтов стерлингов. Взамен Виндзор согласился выплачивать бывшим сотрудникам пенсии в размере 5000 фунтов стерлингов в год⁴¹.

«Конечно, он каждый день по нескольку часов названивает в Канны», – написал Фрути своей жене 24 января. И добавил:

«Мне кажется, что эти разговоры проходят не очень хорошо... Она, похоже, всегда придирается к нему или жалуется на что-то, чего, по ее мнению, он не сделал и не должен был делать... Все, ради чего он живет, – это воссоединение с ней 27 апреля⁴². Когда мы возвращаемся каждый вечер после катания на лыжах, Эдуард говорит: «Еще один день почти подошел к концу». Это очень трогательно. Никогда я не видел человека, так безумно влюбленного...»⁴³

³⁷ Rhodes James, Channon, p. 191.

³⁸ Цифры в сегодняшних деньгах составили бы 7,25 миллиона фунтов стерлингов, 58 миллионов фунтов стерлингов и 5,8 миллиона фунтов стерлингов.

³⁹ 21 Feb 1937, RA GV EE 13/7, quoted Ziegler. P. 351.

⁴⁰ Bryan and Murphy, p. 307.

⁴¹ Kenneth Rose, Vol. 2, p. 173. В сегодняшних деньгах 256 тысяч фунтов стерлингов = 17,8 миллиона фунтов стерлингов, 5 тысяч фунтов стерлингов = 350 000 фунтов стерлингов и 20 тысяч фунтов стерлингов = 1,4 миллиона фунтов стерлингов.

⁴² Когда ожидался абсолютный указ.

⁴³ Frances Donaldson. King Edward VIII.: Weidenfeld & Nicolson, 1974. P. 311, and de Courcy, Viceroy's Daughters, p. 250. Предположительно 27 апреля должно было быть вынесено предварительное решение.

Проблемы продолжались, о чем говорилось в ежедневных письмах Меткалфа своей жене. «Уоллис каждый день звонит ему по телефону. Кажется, герцог всегда оправдывается за то или иное», – написал Фрути 27 января. «Мне так жаль его, никогда у него не получается угодить ей»⁴⁴.

«Вечера в последнее время были ужасными», – написал он жене неделю спустя:

«Он и не думает ложиться спать раньше 3 часов ночи, а теперь начал играть на аккордеоне и волынке. Прошлой ночью они чуть не поссорились по телефону. Уоллис якобы прочитала о его романе с Китти! Это звучит чертовски забавно, но могу сказать тебе, что прошлой ночью это была совсем не шутка. Эдуард пришел в ужасное состояние. Их беседа длилась почти два часа»⁴⁵.

Китти Ротшильд решила, что с нее довольно, и в тот же день вернулась в Париж. Герцог все еще был в постели и, как сообщал Меткалф:

«Так и не предпринял попыток попроситься с ней или поблагодарить! Китти было ужасно больно, и я ее не виню. Временами с ним ужасно трудно, и это худшее из всего, что он сделал. Я отправился на станцию с письмом, которое Эдуард написал после моей просьбы, и это немного улучшило ситуацию. Он так и не встретился со слугами, чтобы дать им чаевые или поблагодарить (все из-за постоянных переговоров с Каннами. Это никогда не прекращается)...»⁴⁶

Даже после того, как финансовые разногласия были почти улажены, будущее пары оставалось неопределенным. Например, где они должны были жить? Было ясно, что им не рады в Британии, и тот факт, что герцогу теперь придется платить подоходный налог, также не играл им на руку. Были предварительные переговоры о покупке Клойстерса, огромной готической резиденции за пределами Балтимора, построенной в 1932 году, но они ни к чему не привели⁴⁷.

9 марта, в рамках подготовки к третьей свадьбе, Уоллис со своей горничной Мэри Берк и двадцатью шестью местами багажа переехала в замок Шато-де-Конде, сказочный дворец на Луаре с высокими башнями, остроконечными турелями и дверными проемами в готическом стиле⁴⁸. Расположенный на возвышенности с видом на сельскую местность, замок был построен в 1508 году. В 1927 году поместье продали Шарлю Бедо, мультимиллионеру, франко-американскому бизнесмену и другу Германа Роджерса. Брат Германа, Эдмунд, был главным финансовым агентом Бедо в Америке. Эдмунд сколотил состояние на системе оптимизации работы, которая повысила производительность труда.

Бедо, пятый по богатству человек в Америке, и его жена-американка Ферн приступили к модернизации замка Конде, установив центральное отопление, телефонную систему стоимостью 15 000 долларов с штатным телефонистом, ваннные комнаты в стиле ар-деко, огромные холодильники, бар на старой кухне и спортзал с новейшими тренажерами. Подземный ход вел в старый охотничий домик, который Бедо превратил в бильярдную.

⁴⁴ De Courcy, p. 250.

⁴⁵ 2 February 1937, de Courcy, p. 251.

⁴⁶ 3 February 1937, документы Меткалфа. «Я чувствую, что она будет опасным врагом для его королевского высочества, особенно потому, что он, должно быть, неправ», – признался в дневнике Джон Эйрд, один из его конюхов, но она хранила благоразумное молчание о своем неожиданном госте. Ziegler, p. 343. «Считается, что Эжен уничтожил большую часть личной переписки своей первой жены после ее смерти, и что его вторая жена также избавилась от документов первой баронессы Эжен фон Ротшильд, а также от документов ее мужа после его смерти в 1976 году. Мало что осталось, чтобы зафиксировать их участие в событиях 1936 года и их последующие отношения с Виндзорами». Justin Cavernelis-Frost, archivist, Rothschild Archive to the author, 26 February 2021.

⁴⁷ Charles Higham, Mrs Simpson. *Secret Lives of the Duchess of Windsor*.: Sidgwick & Jackson, revised edition, 2004. P. 215. В настоящее время это место проведения мероприятий, принадлежащее городу Балтимор. <https://www.cloisterscastle.com/about/history>.

⁴⁸ Кроме того, банкир лорд Гримторп предложил паре дома в Сорренто, исследователь Линкольн Эллсворт – в Швейцарии, а герцог Вестминстерский – охотничий домик близ Биаррица. В марте, поняв, что он злоупотребил гостеприимством в замке Энзесфельд, герцог переехал в небольшой отель в австрийском Тироле. Благодарственную записку хозяева не получили.

Интересно, что сам Герман Роджерс расположился по соседству со спальней Уоллис, на кушетке в гостиной. Как Уоллис писала позже: «Это было самостоятельное решение Германа. Он спал в соседней комнате с пистолетом под подушкой с тех пор, как я приехала из Англии, более трех месяцев назад». Наверху было еще несколько спален, одну из которых заняла Кэтрин⁴⁹. И там Уоллис, официально сменившая свое имя на Уоллис Уорфилд, ждала окончательного решения по поводу брака.

Ответ пришел 18 марта, когда сэр Томас Барнс, солиситор казначейства, объявил, что доказательств сговора не обнаружено и брак может быть заключен. Хотя он не опросил единственную служанку, которая могла бы установить истину, горничную Уоллис Мэри Берк, утверждая, что «Королевский прокурор не имеет обыкновения пытаться получить информацию от таких слуг»⁵⁰.

Конечно, существовали и доказательства сговора (Эрнест Симпсон был любезно пойман в постели со своей будущей женой Мэри Раффрей, чтобы Уоллис смогла подать на него в суд за супружескую измену), и странные оплаты (считается, что король покрыл расходы Эрнеста Симпсона), и лжесвидетельства. Но королевский прокурор решил не использовать это, как и доказательство прелюбодеяния Эдуарда с Уоллис в Будапеште в 1935 году, где уликой была неподписанная трехстраничная записка⁵¹.

Фрэнсис Стивенсон, который подал возражение, позже заявил, что отказался от своего заявления, «потому что мне так сказали»⁵².

В начале апреля герцог отправил своего кернтерьера Слиппера, которого иногда называют мистером Лу, к Уоллис в Кане. На следующий день, во время охоты за кроликом, пса укусила гадюка. Хотя его срочно доставили к местному ветеринару в Туре, ночью он умер. «Моя дорогая, я только что дала Герману коврик мистера Лу, чтобы он завернул его маленькое тельце, прежде чем похоронить. Даже Бог, кажется, забыл о НАС, потому что, конечно, это ненужная печаль», – сообщила Уоллис. «Он был нашей собакой – не твоей или моей, а нашей, – и он так любил нас обоих. Теперь главного гостя на свадьбе больше нет»⁵³. Это не было хорошим предзнаменованием для их брака.

⁴⁹ Windsor, Heart, p. 291. Кэтрин была женой Германа Роджерса.

⁵⁰ TS 22/1/A, TNA

⁵¹ TS 22/1/A, TNA

⁵² New York Times, 19 September 1949. Симпсон подал иск за клевету 11 июня 1937 года. На свидетельском месте Эрнест заявил, что он не получал никаких денег или другого вознаграждения за то, что не защищал иск о разводе своей жены, и ему не было обещано никаких денег или другого вознаграждения за то, что он не защищался. Он отказался от возмещения ущерба в обмен на свои расходы. Пресса заподозрила, что имела место сделка.

⁵³ Michael Bloch (ed.), Wallis & Edward. Letters 1931–1937.: Weidenfeld & Nicolson, 1986. P. 81. Герцог предложил забальзамировать собаку и похоронить в форте Бельведер. Вместо этого Герман Роджерс закопал ее на территории замка, за процессом в слезах наблюдала Уоллис.

Глава 3. Свадьба

3 мая 1937 года был обнародован абсолютный декрет касательно Уоллис, и герцог немедленно выехал на Восточном экспрессе из Зальцбурга с букетом эдельвейсов, дирндлем⁵⁴ и багажом из приблизительно семнадцати чемоданов в своем личном автомобиле. Именно там, девять дней спустя, пара слушала Коронационную службу, герцог вязал синюю кофту для Уоллис, пока снаружи бушевал сильный ливень... именно там, как позже вспоминала Уоллис в своих мемуарах, «...картины того, что могло случиться и что должно было произойти, продолжали возникать, гаснуть и сменять друг друга в моем сознании»⁵⁵.

Было в той поре свое очарование, но и своя горечь, ведь на 12 мая назначили дату коронации Эдуарда VIII, перенесся событие с конца июня, чтобы зрители, живущие на верхних этажах домов, расположенных вдоль маршрута коронации, наблюдали за процессом, пока деревья не покрылись мешающей обзору листвой. Должны были присутствовать все члены семьи герцога – сердитая королевская принцесса, две его невестки – королевские герцогини, и его мать, которая стремилась выразить свою поддержку новому правлению. Даже нарушив традицию, восходящую к королям Плантагенетов, согласно которой вдова предыдущего государя не присутствовала на коронации его преемника.

Герцог надеялся, что некоторые члены его семьи также смогут присутствовать на свадьбе и что либо один из его братьев, либо Дикки Маунтбеттен вызовутся быть его шафером, но со стороны королевского дома не наблюдалось никакой активности.

«Хотя мне удалось назначить дату вашей свадьбы, которая устроила Бerti, Джорджа и т. д., вмешались другие люди и создали ситуацию, которая сделала всех ваших друзей очень несчастными», – написал Маунтбеттен герцогу 5 мая. «Я предпринял несколько попыток уладить дело, но в настоящее время даже я сам не могу принять ваше любезное приглашение. Я еще не совсем потерял надежду, хотя мои шансы невелики. Я напишу снова, когда все узнаю окончательно»⁵⁶. Вместо него шафером вызвался Меткалф.

Не только близким членам королевской семьи, но и друзьям и бывшим советникам было запрещено присутствовать на свадьбе Виндзоров. Перси Браунлоу сообщили, что он поставит под угрозу свое положение лорда-лейтенанта Линкольншира, которое его семья занимала в течение восьми поколений, если решит присутствовать. Улику Александру пригрозили, что он потеряет должность хранителя денег на личные расходы короля, если примет приглашение.

Англиканская церковь не признавала брак разведенных людей, нельзя было допустить, чтобы королевская семья пренебрегала ее учением. Церковь также запрещала всем священникам проводить обряд венчания, и пара уже смирилась с простой гражданской службой. Но тут свои услуги предложил преподобный Роберт Андерсон Джардин, эксцентричный «большеносый, с выпученными глазами, краснолицый» священник из Дарлингтона⁵⁷.

Следующий удар не заставил себя ждать. 26 мая на последнем заседании кабинета министров с Болдуином в качестве премьер-министра обсуждался вопрос о статусе Уоллис как

⁵⁴ Дирндль – женский национальный костюм немецкоговорящих регионов Альп.

⁵⁵ Heart, p. 297.

⁵⁶ EDW/PRIV/MAIN/A/3206. Маунтбеттен прислал несколько кувшинов и кружек семнадцатого и восемнадцатого веков в качестве свадебного подарка.

⁵⁷ De Courcy, Viceroy's Daughters, p. 262. Джардин, бывший миссионер на Шетландских островах, впоследствии воспользовался своим участием в лекционном туре по США и открыл Виндзорский собор в Лос-Анджелесе, пока в 1942 году его не депортировали обратно в Великобританию за просрочку визы. Когда в июле 1939 года у него начались неприятности, герцог предложил выслать ему 1000 долларов при том понимании, что Джардин «больше ничего не может ожидать в будущем и что он должен воздерживаться от публичности и таких вещей, как использование карточки с описанием себя как «викарий герцога». George Allen to the Duke, Monckton Trustees, Box 17, Balliol College.

Ее Королевского Высочества. На следующий день Монктон прибыл в Конде с письмом, которое еще больше разожгло пламя обиды четы Виндзоров по отношению к королевской семье. Согласно письму, Уоллис не могла рассчитывать на статус Ее Королевского Высочества после замужества⁵⁸. Это противоречило королевской практике – всем женам брата герцога был предоставлен такой статус при вступлении в брак – и британскому общему праву.

Звание герцога королевского высочества, как сына короля, было неотъемлемым правом по рождению, уже установленным Патентом 1917 года, который не был отменен и не мог быть «восстановлен». Исходя из этого, его жена имела право на тот же ранг и статус, что и муж, но утверждалось, что он отказался от своего королевского звания и, следовательно, от звания своей жены. Отречение было связано с тем, что она не стала членом королевской семьи. Теперь, после замужества, ее вряд ли можно было сделать членом церкви – в первую очередь по той причине, что ее муж отрекся от престола.

Берти поддался давлению доминионов, своей матери и жены, опасаясь, что брак Виндзоров продлится недолго и она может снова выйти замуж. Для герцога, воспитанного на идее важности титула и принципа старшинства, это стало настоящим оскорблением. Это означало, что, пусть он и удостоивался поклона, Уоллис, будучи его женой, не имела права на реверанс. Его заставляли вступить в тот самый морганатический брак, который, как ему сказали, был невозможен несколько месяцев назад. Словно для того, чтобы посыпать солью рану, было объявлено, что заклятый враг герцога Болдуин, который так много сделал для того, чтобы склонить герцога к отречению, получил титул графа.

«Обида улеглась. У него была вспышка гнева, когда он одевался к обеду, – записала жена Меткалфа в своем дневнике. – Семья, с которой он покончил... Герцог намерен бороться с бизнесом королевского высочества, поскольку по закону король не имеет права препятствовать присвоению титула его жене... Он будет верен короне, но не человеку, своему брату. Эдуард обвиняет того в малодушии»⁵⁹.

Приготовления к свадьбе шли полным ходом. Было решено подождать до окончания коронации, хотя пара объявила о своей помолвке накануне. Жест, будто совершенный с целью затмить королевскую церемонию. А затем пара выбрала датой свадьбы 3 июня, день рождения Георга V.

В рамках плана по улучшению своего имиджа Уоллис дала интервью дальней родственнице Хелене Нормантон для «Нью-Йорк таймс», заявив, что у нее не было желания становиться королевой, и отрицая обвинения, будто она сбежала с изумрудами королевы Александры и имела любовную связь с Риббентропом:

«Я не могу припомнить, что была в компании герра фон Риббентропа больше двух раз: один раз на вечеринке у леди Кунард до того, как он стал послом, и один раз на другом большом приеме. Я никогда не оставалась только в его компании, и между нами не было ничего, кроме обмена несколькими репликами – просто обычная светская беседа, вот и все. Я вообще не интересовалась политикой»⁶⁰.

Сесил Битон, в то время только начавший свой путь фотографа, будучи также активным участником виндзорского пиар-наступления, задержался, чтобы сделать несколько предсвадебных снимков. На него произвела впечатление Уоллис, разговор с которой занял его до рассвета:

«Я был поражен ясностью и живостью ее ума. Когда я наконец лег спать, я понял, что она обладала не только индивидуальностью, но и большой внутренней силой. У нее могут быть

⁵⁸ 'Note' Law Officers Department, 9 April 1937, LO 3/1168, TNA. С проектом документа H0 144/22945 можно ознакомиться по адресу https://www.heraldica.org/topics/britain/drafting_lp1937.htm.

⁵⁹ 3 June 1937, quoted Donaldson, p. 324.

⁶⁰ Helena Normanton. Intrigue Is Denied by Mrs Warfield. New York Times, 1 June 1937.

несовершенства, возможно, она политически невежественна и эстетически необразованна; но она очень много знает о жизни»⁶¹.

Александра, жена Меткалфа, заметила, что ту ночь свадебная пара провела отдельно. «Спокойной ночи, сэр», – сказала Уоллис и пожала руку своему будущему мужу⁶².

Четверг, 3 июня, выдался на редкость солнечным днем. Сотни туристов стекались к воротам замка в надежде хоть мельком увидеть пару, а продуктовые киоски торговали вовсю. Движение вокруг местной деревни Монц было остановлено в 7 часов утра, и над замком был введен запрет на полеты.

Несмотря на отсутствие всех членов королевской семьи, не обошлось без добрых пожеланий. «В сей день вашей свадьбы мы думаем о вас с большой любовью и желаем счастья в будущем. С любовью, Элизабет и Берти», – гласила одна телеграмма⁶³. Уинстон и Клементина Черчилль подарили тарелку, а Адольф Гитлер – якобы золотую шкатулку⁶⁴. Любимым подарком стал держатель для туалетной бумаги, на котором играла песня «Боже, храни короля».

Присутствовало всего семь гостей из Британии: Уолтер Монкстон; адвокат герцога Джордж Аллен; Рэндольф Черчилль, выступающий в роли журналиста; Хью Ллойд Томас, друг из британского посольства в Париже; леди Селби без мужа, сэра Уолфорда, которому посоветовали не присутствовать; Фрути и Александра Меткалфы. К ним присоединились тетьа Уоллис Бесси – единственный член ее семьи, присутствовавший на мероприятии, – Герман и Кэтрин Роджерс, Китти и Юджин Ротшильд и Бедоксы.

Все прошло скромно. Французское правительство, из уважения к британцам, согласилось не транслировать свадьбу, а попытки сделать это американскими сетями, NBC и CBS, были заблокированы французами. Александра Меткалф сочла церемонию необычной:

«Я и забыла, насколько непривлекательны ее голос и манера говорить. Ее внешность гарантирует, что в любом помещении, где есть хотя бы умеренно красивые женщины, она всегда будет самой уродливой, притом у нее худая, совершенно без изгибов, фигура... Остальные на том вечере, миссис Мерриман – тетьа Бесси – безобидная старушка, у которой, должно быть, случился инсульт, так как половина ее лица не функционирует, а рот кривится. Миссис Роджерс – обычная, типичная ширококостная американка. Герман, милый, спокойный, деловитый... Я просто провожу выходные в уродливом замке с людьми (за исключением ЕКВ), которые непривлекательны на вид и совершенно не осознают, что происходит, и которых я не хочу видеть больше никогда»⁶⁵.

В 11:30 утра Герман Роджерс сопровождал Уоллис вниз по парадной лестнице в гостиную для проведения гражданской церемонии заключения брака, которую должен был проводить мэр Монса. Уоллис была одета в светло-голубой – впоследствии названный «Уоллис блю» – креп, с открытыми плечами, облегающий наряд длиной до щиколоток, разработанный одним из ее любимых дизайнеров Мейнбохером, с подходящим жакетом и шляпой в стиле ореола от Кэролайн Ребу. Венчали образ брошь с бриллиантами и сапфиром (свадебный подарок герцога), браслет и серьги.

Полчаса спустя Герман и Уоллис вошли в музыкальный салон под «Свадебный марш» Генделя из «Иуды Маккавея» в исполнении композитора Марселя Дюпре для двадцатиминутной религиозной службы. Комната была быстро приспособлена под временную часовню, в качестве алтаря выступал расположенный в прихожей сундук с рисунком из пухлых обнаженных нимф, целомудренно прикрытым шелковым полотном кремового цвета.

⁶¹ Cecil Beaton. *The Wandering Years*.: Weidenfeld & Nicolson, 1961. P. 305.

⁶² *Baba Diary*, 3 June 1937, Metcalfe Papers.

⁶³ Monckton Trustees, Box 15, Balliol College.

⁶⁴ Higham, p. 185.

⁶⁵ De Courcy, p. 260, and Hugo Vickers, Cecil Beaton.: Weidenfeld & Nicolson, 1985. P. 316.

Герцог, одетый в черный утренний пиджак и полосатые брюки с белой гвоздикой в петлице, заметно нервничал. Уоллис, для которой это была третья свадьба, казалась более спокойной. Пара общалась со своими гостями и позировала для фотографий, прежде чем сесть за свадебный завтрак в столовой. Подавали омаров, курицу по-королевски и клубнику в сопровождении шампанского, а для герцога – чашку чая «Эрл Грей».

«Было трудно не заплакать. На самом деле, я так и сделала», – написала Александра Меткалф в своем дневнике:

«Потом мы пожали друг другу руки в салоне. Я знала, что должна была поцеловать ее, но просто не смогла. Весь день у меня как-то не задался: мои попытки проявить очарование и понравиться ей потерпели крах. Я не помню, чтобы желала ей счастья или удачи, как будто она любила его. Если бы она позволяла себе периодически хотя бы малейшее проявление нежности – брала его за руку, смотрела на него влюбленными глазами, можно было бы потеплеть по отношению к ней, но она продолжала максимально жестко придерживаться этикета. Сложилось впечатление, что пожилую женщину не трогает страстная любовь молодого мужчины. Будем надеяться, что она раскроется, оставшись наедине с ним, иначе картина складывается невеселая⁶⁶.

К 3:15 с пресс-конференцией было покончено⁶⁷. После церемонии разрезания свадебного торта Монктон и Уоллис отправились на прогулку в сад. Он объяснил, что сделает все возможное, чтобы поддержать их, но общественность будет внимательно следить за тем, как она относится к своему мужу, который многим пожертвовал ради нее. Она ответила: «Уолтер, неужели я, по-твоему, не думала обо всем этом? Я полагаю, что смогу сделать его счастливым»⁶⁸.

Состоялся брак, который ни за что не должен был окончиться крахом. Цена была слишком высока.

⁶⁶ 3 June 1937, Metcalfe papers.

⁶⁷ Среди представителей прессы был будущий министр иностранных дел Франции Морис Шуман.

⁶⁸ Birkenhead, Walter Monckton, p. 162.

Глава 4. Медовый месяц

Вскоре герцог и свежеиспеченная герцогиня отправились в свадебное путешествие в колонне автомобилей, чтобы попасть на ожидающий их экспресс Симплон – Ориент. Их сопровождал Дадли Форвуд, атташе британского представительства в Вене, который был прикомандирован в качестве конюшего герцога в Австрии, два кернтерьера, пара детективов Скотленд-Ярда, в обязанности которых входило не только следить за Виндзорами, но и охранять их, а также 186 сундуков и 80 дополнительных предметов багажа.

В качестве места проведения медового месяца был взят в аренду еще один замок, 40-комнатный, перестроенный в стиле готики Вассерлеонбург в горах Каринтии, предположительно населенный призраком Анны Нойманн, которая убила шестерых своих мужей во время медового месяца⁶⁹.

Это был немецкий дом графа Пауля Мюнстера. Граф был тесно связан с Британским союзом фашистов Мосли. Замок должен был стать домом Виндзоров в течение следующих трех месяцев. Именно там им пришлось осознать до конца реалии сложившегося положения. Уоллис испытывала сильное чувство вины за то, от чего отказался ради нее муж, и в то же время ужас от того, во что она себя втянула. Как она рассказывала позже Гору Видалю:

«Я помню живо, как вчерашний день, следующее утро после нашей свадьбы – я проснулась, а стоявший рядом с кроватью Дэвид с невинной улыбкой произнес: «И что теперь нам делать?» Мое сердце упало. Я услышала человека, каждый день жизни которого был определен с момента его рождения, а теперь я вместо британского правительства должна была придумывать, что ему делать»⁷⁰.

Пара делала все, что было в их силах. Они развлекали друзей, отдыхали в бассейне с подогревом замка, играли в гольф и теннис, охотились на оленей, а герцог, как всегда, отдавался физическим упражнениям, часто взбираясь на скалистую вершину позади замка и сообщая Уоллис о своем местоположении с помощью маленького зеркала. «Нью-Йорк таймс» сообщила о том, как «он, облачившись в тирольские кожаные бриджи, белые чулки и рубашку с коротким рукавом, поливал цветы в саду»⁷¹.

Уолтер Монктон, когда гостил в замке, убедил герцога не подавать жалобу на отказ Уоллис в титуле герцогини – герцог угрожал отказаться от своего собственного королевского титула, что могло бы повредить его общественному имиджу.

С просьбой составления биографии бывшего короля к герцогу обратился один из гостей, писатель Комптон Маккензи, наиболее известный своим романом «Изобилие виски». Герцога соблазнили как деньги – сделка заключалась в том, что он получит 10 000 фунтов стерлингов, а Маккензи – 20 000 фунтов стерлингов, – так и возможность для Уоллис «оспорить обвинения, выдвинутые против вас»⁷². Обсуждения продолжались в течение всего лета, пока герцог не отказался от книги в октябре, понимая, что ему лучше не сотрудничать ни с одним писателем. Тем не менее Комптон начал работу над книгой самостоятельно. «Виндзорский гобелен» Маккензи о царствовании и отречении был опубликован в следующем году⁷³.

Часть времени Виндзор также провел в отеле «Бристоль» в Вене. 20 июня, находясь на обеде в посольстве Бразилии, Джордж Мессерсмит, американский посол в Австрии, неразумно

⁶⁹ Первоначально построенный в тринадцатом веке, сейчас он сдается в аренду для отдыха.

⁷⁰ Gore Vidal. Palimpsest: A Memoir.: Deutsch, 1995. P. 206.

⁷¹ 6 June 1937, New York Times.

⁷² George Allen to the Duke, Monckton Trustees, Box 15, Folio 37, Balliol. Сейчас это эквивалентно 700 тысячам фунтов стерлингов и 1,4 миллиона фунтов стерлингов.

⁷³ Monckton Trustees, Box 16, Balliol.

передал герцогу информацию о том, что потерпел крушение поезд из Германии в Италию и были обнаружены морские снаряды, поставляемые Германией военно-морскому флоту Муссолини. Это было нарушением санкций Лиги Наций, а также доказательством того, что американцы читали итальянские шифры. На следующий день Мессерсмит показал перехваченную телеграмму, отправленную итальянским послом в Рим, в которой говорилось об обнаруженных снарядах и раскрывался его источник – герцог. Это было спасительное предупреждение о том, что бывшему королю нельзя доверять⁷⁴.

Виндзор продолжал поддерживать связь с Шарлем Бедо. Двое мужчин подружились за игрой в гольф и вечерними бокалами бренди. Герцог интересовался практикой работы Бедо и увлекался его утопическими идеями о мире во всем мире, в то время как Бедо осознавал преимущества развития отношений с бывшим королем.

Чего Виндзор, возможно, не знал, так это того, что со времен Первой мировой войны американцы подозревали Бедо в том, что он немецкий шпион⁷⁵. У него были обширные деловые интересы в нацистской Германии, он тесно сотрудничал с Krups, Mercedes, Opel и IG Farben. Он арендовал замок рядом с Гитлером в Берхтесгадене и был близок с Ялмаром Шахтом, главой рейхсбанка, и Робертом Леем, главой Немецкого трудового фронта.

С тех пор как его компании были захвачены в нацистской Германии в 1934 году, Бедо упорно трудился, чтобы втереться в доверие к нацистскому руководству.

Герцог Виндзорский теперь предоставил ему такую возможность. Бедо смог возобновить работу со своими немецкими предприятиями только после того, как в июле 1937 года подкупил нацистские власти на сумму 50 000 долларов и согласился, чтобы они контролировались нацистской организацией труда «Арбайтерсфронт»⁷⁶. Именно эта организация, по его предложению, должна была принять Виндзоров для поездки по стране.

* * *

В сентябре Виндзоры остановились у Бедо в замке Борсодиванка, охотничьем домике в Венгрии, который тот арендовал у племянника регента Хорти; планы, которые они наметили за предыдущие несколько месяцев, были приведены в исполнение. Такой визит имел несколько преимуществ: это повысило бы репутацию Виндзора на международной арене, помогло бы продвигать деловые интересы Бедо, и они оба верили, что это поможет обеспечить мир во всем мире.

19 августа Бедо при встрече с Говардом К. Трэверсом, временным поверенным в делах американского представительства в Будапеште, заявил, что он действовал от имени Виндзора, который хотел «провести полное изучение условий труда в различных странах», добавив: «с целью дальнейшего возвращения в Англию в качестве защитника рабочего класса». Трэверс в тот же день сообщил об этом Государственному департаменту в «строго конфиденциальной» записке, которую увидел Джордж Мессерсмит, ныне помощник госсекретаря, отвечающий за Балканы. Власти теперь были настороже.

Весной 1937 года Оскар Солберт, американский генерал и руководитель бизнеса, выступавший в качестве атташе Виндзора во время своего визита в Америку в 1924 году, написал герцогу, предложив ему «возглавить и объединить многочисленные и разнообразные движения

⁷⁴ Conversations with King Edward (Duke of Windsor) after his Abdication, M SS 109 2017–00, Messersmith papers.

⁷⁵ См., например, отчет о нем полковнику Р. Х. Ван Деману, начальнику отдела военной разведки Военного министерства, US National Archives 10505–27.

⁷⁶ Почти 1 миллион фунтов стерлингов по нынешнему курсу.

за мир во всем мире... Я не пацифист, как вы знаете, но я верю, что единственное, в чем планета нуждается больше всего на свете, – это мир»⁷⁷. В августе Бедо дал ответ от имени герцога:

«Герцог Виндзорский очень заинтересован в вашем предложении возглавить движение, столь международное по своей сути. Мы все знаем, что как принц Уэльский и как король, он всегда остро интересовался судьбой трудящихся, и он не преминул продемонстрировать как свое сочувствие, так и свою решимость изменить ситуацию всякий раз, когда сталкивался с несправедливостью... Он намерен действовать в том же ключе, имея в своем распоряжении больше времени на систематическое изучение этого предмета и посвятить себя улучшению жизни масс... Он считает, что это самый надежный путь к миру. Он предлагает начать с изучения жилищных условий и условий труда во многих странах»⁷⁸.

Конюший герцога Дадли Форвуд, давший интервью для телевизионного документального фильма в 1994 году, объясняет предысторию:

«История, уж не знаю, насколько близкая к истине, гласит, что он должен был получить очень большую плату от Гитлера, если бы организовал подготовку герцога Виндзорского к принятию приглашения поехать в Германию, которое в итоге состоялось. Во время поездки в Германию Бедо никто не видел. Заметить его вообще было невозможно, но нет сомнений в том, что он руководил всем из-за кулис... занимался грязной работой»⁷⁹.

Эту точку зрения разделял один из офицеров охраны герцога Филип Эттфилд:

«Я не доверял Бедо и был совершенно уверен, что он работает рука об руку с нацистами. Моя международная и личная разведывательная служба предоставили мне множество тревожных подробностей о нем, и я был уверен, что он не просто так заинтересовался герцогом. Хотя он максимально старался предоставить мне все возможные удобства и привилегии, я с подозрением следил за каждым его шагом»⁸⁰.

За связями и поездками герцога в регионе теперь следили, не в последнюю очередь, офицер его личной охраны Дэвид Сторриер, который регулярно подавал отчеты в Скотленд-Ярд, а также местные дипломаты. 30 августа сэр Джордж Нокс, министр в Венгрии, написал постоянному заместителю министра иностранных дел сэру Роберту Ванситарту о предстоящем визите Эдуарда в Венгрию, сообщив, что герцог желает «представить герцогиню регенту и мадам Хорти. В то время как адмирал де Хорти питает значительную симпатию и дружбу к герцогу, которого он хорошо знает, он высказался в резких выражениях в отношении герцогини»⁸¹.

У властей были веские причины с подозрением относиться к лояльности этой пары. Герцог был настроен решительно прогермански, действительно считал себя почти немцем, говоря Диане Мосли: «Каждая капля крови в моих жилах – немецкая»⁸². Он свободно говорил по-немецки и иногда называл его своим родным языком, а большую часть лета перед Первой мировой войной проводил в гостях у немецких родственников. Убийство российских родственников в 1918 году оказало на него глубокое влияние, и он всегда рассматривал коммунизм как реальную угрозу интересам Британии и империи.

Хотя, как наследнику престола, ему не разрешили участвовать в действительной службе во время Первой мировой войны, несколько его друзей были убиты, в том числе конюший и водитель, и он готов был на все, чтобы не допустить новой войны между Германией и Велико-

⁷⁷ 27 April 1937, RA DW 3200, and Michael Bloch. *The Secret File of the Duke of Windsor*.: Bantam, 1988. Pp. 109–10.

⁷⁸ 23 August 1937, Bedaux to Oscar Solbert, RA DW 3409.

⁷⁹ Forwood, p. 52, BREN 2/2/7, Churchill College Archives, Cambridge. Серия из четырех частей «The Windsors: A Dynasty Revealed» была показана по всему миру и опубликована в виде книги, написанной Пирсом Брендоном и Филипом Уайтхедом.

⁸⁰ Sunday Mirror, 31 October 1954.

⁸¹ FO 954/33A/30, TNA.

⁸² Diana Mosley. *Duchess of Windsor: A Memoir*.: Sidgwick & Jackson, 1980. P. 89. Четырнадцать из его шестнадцати прапрадедушек и прабабушек родились в немецких королевских домах, а двое других – в мелкой венгерской знати как подданные германского императора Габсбургов. Его матерью была немецкая принцесса Мария Текская.

британией. Он также верил в сильное правительство. Журналист Роберт Брюс Локхарт отметил в своем дневнике в июле 1933 года:

«Принц Уэльский был настроен вполне прогитлеровски, заявлял, что ни положение евреев, ни какой-либо другой вопрос не повод вмешиваться во внутренние дела Германии, и добавлял, что диктаторы в наши дни очень популярны и мы могли бы захотеть иметь их в Англии»⁸³.

В следующем году Чипс Чэннон записал в своем дневнике: «Ходит много сплетен о предполагаемых нацистских пристрастиях принца Уэльского. Утверждается, что на него через миссис Симпсон повлияла Эмеральд [леди Кунард] (которая довольно близка с герром Риббентропом)»⁸⁴.

Несомненно, было множество свидетельств симпатий герцога. В 1935 году он выступил с речью перед Британским легионом, предложив совершить примирительный визит в Германию, что, возможно, напрямую повлияло на англо-германское военно-морское соглашение, которое как раз обсуждалось в то время.

В марте 1936 года, когда Гитлер ремилитаризировал Рейнскую область, двоюродный брат Виндзора, герцог Кобургский, был отправлен в Лондон, чтобы через него воздействовать на правительство и предотвратить любую реакцию. Фриц Гессе, пресс-атташе посольства Германии, сообщил, как посол «фон Хеш однажды ночью тайно отправился к королю», чтобы защитить действия Гитлера и доказать, что это не повод развязывать войну. Позже Эдуард позвонил фон Хешу и сказал ему в присутствии Гессе: «Я послал за премьер-министром и высказал ему свое мнение. Я сказал старому такому-то, что отрекись от престола, если он начнет войну. Разыгралась ужасная сцена. Но беспокоиться не о чем. Войны не будет»⁸⁵.

Эдуард «идет по пути диктатора и настроен прогермански», написал Чипс Чэннон в своем дневнике в ноябре 1936 года. «Я бы не удивился, если бы он стремился стать мягким диктатором. Пусть это и достаточно трудная задача для английского короля»⁸⁶.

В доме № 10 по Даунинг-стрит в Эдуарде все чаще видели угрозу безопасности. С подозрением относясь к дорогим подаркам, которые он расточал Уоллис, чиновники опасались, что его шантажируют гнусные иностранные агенты, и беспокоились о его связи с известными правыми деятелями, такими как сэр Освальд Мосли.

Наблюдение показало, что у пары были романы на стороне. В отчете Специального отдела за 1935 год говорилось, что у Уоллис был тайный любовник, позже идентифицированный как продавец автомобилей «Форд» Гай Трандл, а также что: «Миссис Симпсон очень ревнует к некой австрийской или венгерской женщине, с которой ПУ познакомился во время своего недавнего визита в Австрию. С тех пор эта женщина побывала в Лондоне и провела некоторое время с ПУ»⁸⁷.

Уоллис считалась нескромной и слишком близкой к леди Кунард и ее другу, гитлеровскому министру иностранных дел и послу в Лондоне Риббентропу. Биографы Болдуина позже писали:

«Миссис Симпсон... оказалась под пристальным вниманием Ванситтарта, и ей, и королю было бы неприятно осознавать, что службы безопасности следили за ней и некоторыми ее друзьями... Красные ящики, отправленные в форт Бельведер, были тщательно проверены Министерством иностранных дел с тем, чтобы убедиться, что не будет утечки никакой особо секрет-

⁸³ 13 July 1933, Kenneth Young (ed.)/The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart 1915–1938, Vol. 1.: Macmillan, 1973. Pp. 262–263.

⁸⁴ June 1934, *épris* означает «влюбленный», Rhodes James, Channon, p. 35.

⁸⁵ Fritz Hesse Hitler and the English.: Wingate, 1954. P. 22.

⁸⁶ November 1936, Rhodes James, Channon, p. 84.

⁸⁷ 25 June 1935, MEPO 10/35, TNA.

ной информации. За публичным фасадом, за популярностью короля... правительство осознало опасность, которая не имела ничего общего с вопросом брака»⁸⁸.

4 февраля 1936 года Джон Дэвидсон, координатор разведки Болдуина, написал в записке под грифом «Совершенно секретно», что «миссис С. очень близка к Хоучу (sic) и имеет, при желании, доступ ко всем секретным документам Кабинета министров»⁸⁹. В том же месяце Ральф Вигрэм, глава Центрального департамента Министерства иностранных дел, записал в своем дневнике, что высокопоставленные чиновники Уайтхолла думали, что она «в кармане посла Германии»⁹⁰.

25 ноября 1936 года жена личного секретаря короля Алека Хардинга отметила, что «одним из факторов сложившейся ситуации было пристрастие миссис Симпсон к немцам нацистских взглядов»⁹¹. В ходе парламентских дебатов в день принятия законопроекта об отречении депутат-коммунист Вилли Галлахер заявил: «Каждый член Кабинета министров знает, что социальный круг миссис Симпсон тесно связан с определенным иностранным правительством и послом этого правительства»⁹².

Теперь, в 1937 году, деятельность герцога вызвала тревогу в Уайтхолле и Букингемском дворце. Уже велись дискуссии о том, как следует относиться к этой паре со стороны дипломатической службы. Эти дискуссии получили новый импульс в связи с предстоящими планами. 2 сентября Алек Хардиндж написал сэру Роберту Ванситарту:

«Его Королевское Высочество герцог Виндзорский и герцогиня не должны рассматриваться представителями Его Величества как имеющие какой-либо официальный статус в странах, которые они посещают. По этой причине королю кажется, что, за исключением особых инструкций, представители Его Величества не должны принимать никакого участия в организации официальных собеседований для них или одобрять их участие в каких-либо официальных церемониях»⁹³.

По словам Георга VI, супругов не следовало приглашать остановиться в каком-либо посольстве, министры не должны были встречать их с поезда, а любые развлечения в посольстве могли быть только неофициальными.

17 сентября Фриц Видеман, личный адъютант Гитлера, встретился с герцогом для обсуждения предстоящей поездки в Германию. Было решено, что немецкий атташе, владеющий английским языком, будет сопровождать пару и встретится с Ферн Бедо в отеле «Ритц» 30 сентября, чтобы окончательно уладить все вопросы⁹⁴.

20 сентября британское правительство получило первое официальное предупреждение о предполагаемой поездке в Германию, до которой оставалось всего несколько недель. Тогда герцог сказал британскому дипломату Невиллу Хендерсону: «Хотя наш двухнедельный тур организуется под эгидой Рейха, он, естественно, будет носить частный характер»⁹⁵. В тот же день герцог сказал Уолфорду Селби, что все это организуется «для того, чтобы наблюдать, что делается для улучшения условий труда и жизни рабочего класса в нескольких крупных городах»⁹⁶. Заявление герцога звучало неубедительно.

⁸⁸ Keith Middlemass and John Barnes, Baldwin: A Biography.: Weidenfeld & Nicolson, 1969. P. 980.

⁸⁹ Davidson papers, Parliamentary Archives.

⁹⁰ William Shawcross. Queen Elizabeth, the Queen Mother.: Macmillan, 2009. P. 366, and Ziegler, p. 273.

⁹¹ Helen Hardinge diary, Hon. Lady Murray Papers, quoted Shawcross, p. 366.

⁹² CAB 21/4100/1, TNA, и and 10 December 1936, Hansard.

⁹³ Copy of letter FO 800/847, TNA, and FO 954/33A/36, TNA.

⁹⁴ Top Secret memo from State Secretary, 17 September 1937, FCO 12/255, TNA. Это был доктор Ханс Сольф (1910–1987), впоследствии первый немецкий европейский государственный служащий в Совете Европы.

⁹⁵ RA DW 3423, quoted Ziegler, p. 389.

⁹⁶ FO 954/33A/52, TNA.

В Уайтхолле поднялась паника, и копии корреспонденции Виндзоров были отправлены королю в Балморал. «Лично я считаю, что все эти заранее спланированные туры, о которых мы не были поставлены в известность, немного чересчур, – написал Ванситтарт Хардингу 1 октября. – И надеюсь, что нашим миссиям за рубежом будет дано указание иметь с ними как можно меньше общего»⁹⁷.

На следующий день Хардинг ответил: «Я полностью согласен с тем, что вы говорите об этих турах, твердо убежден, что они на самом деле являются организованной по собственному желанию рекламой и не могут принести никакой пользы самим работникам»⁹⁸.

4 октября Ральф Уигрэм описал Георгу VI поездку как «опасный, полуполитический шаг»⁹⁹. В тот же день сэр Эрик Фиппс, посол Великобритании в Париже, позвонил герцогу и предупредил его, чтобы его не использовали в пропагандистских целях. Герцог заверил, что не будет произносить никаких речей.

8 октября сэр Рональд Линдсей, посол Великобритании в Вашингтоне, был вызван в Балморал, где к нему присоединился министр иностранных дел Энтони Иден, обеспокоенный тем, что герцог служит пешкой в руках коварной и амбициозной жены. «Дворцовые секретари – экстремисты, Министерство иностранных дел – тем более», – написал Линдсей своей жене. «Все повсюду видят призраков и фантомов и думают, что за каждым углом подстерегают катастрофы»¹⁰⁰.

В Балморале Линдсей рассказал своей жене, что король и королева были в состоянии крайней нервозности по этому поводу или, скорее, по поводу всей деятельности герцога – его театральных призывов к популярности и этих инспекционных визитов – поверхностных и, без сомнения, довольно неискренних, но тем не менее свидетельствующих о его готовности претендовать на популярность. До сих пор он вел себя тихо и не проявлял никакого желания изучать жилищные условия трудящихся во Франции и Австрии¹⁰¹.

Линдсей считал, что герцог «пытался устроить возвращение, а его друзья и советники были полунацистами. Он хитрил». Далее следовал вывод о том, что и в личной, и в политической жизни нового короля наблюдалась сумятица:

«Мне было интересно заметить, что на самом деле Георг еще не чувствует себя в безопасности на своем троне, он похож на средневекового монарха, у которого есть ненавистный соперник-претендент, живущий в изгнании... Он говорит довольно хорошо и энергично – но он не умен. Имеет место множество довольно бессмысленных замечаний и высказываний, а также изрядная часть тех довольно тяжелых шуток, которые можно услышать от королевских принцев»¹⁰².

Его взгляд на королеву был столь же откровенным. «Слишком маленькая и коренастая, чтобы быть красивой, и когда-нибудь она станет толстой маленькой леди, хотя навсегда сохранит очарование... Она поддерживала все, что говорили мужчины, но протестовала против призывов к мести». Однако его самый проницательный анализ касался Уоллис:

«Действительно ли она амбициозна? Возможно. В этом уверены во дворце, но, условно, там к ней относятся предвзято. С другой стороны, выйдя замуж за мужчину, она низвергла его с очень высокого положения. Есть много женщин, которые сначала делают нечто

⁹⁷ FO 954/33/59, TNA.

⁹⁸ FO 954/33/61, TNA.

⁹⁹ RA KEVIII Ab. Box 5, quoted Ziegler, p. 389.

¹⁰⁰ 17 October 1937, Ronald Lindsay to Elizabeth Lindsay, Acc 9769, 100/1, part 2 of 2, National Library of Scotland, and John Vincent (ed.). *The Crawford Papers: The Journals of David Lindsay 1892–1940.*: Manchester University Press, 1984. P. 619.

¹⁰¹ 8 October 1937, Vincent, p. 582.

¹⁰² Ronald Lindsay to Elizabeth Lindsay, 11 October 1937, Acc 9769, 100/1, part 2 of 2, National Library of Scotland and abridged in Vincent, p. 617.

подобное, а затем, не имея личных амбиций, изо всех сил стараются снова усадить его на высокий табурет»¹⁰³.

Опасения семьи и правительства усилились, когда 10 октября герцог встретился с Акселем Веннер-Греном¹⁰⁴. Высокий седовласый шведский промышленник основал компанию Electrolux в 1919 году и сделал свое состояние на электрическом пылесосе и холодильнике. К 1939 году он был крупнейшим частным работодателем в Швеции со своими людьми в газетах, банковском деле, производстве древесины – он был ведущим мировым поставщиком – и крупной долей в оружейной компании Bofors.

Близкий друг Бедо, Веннер-Грен, в 1937 году опубликовал утопический трактат «Обращение к каждому человеку», призывающий к международному разоружению, отмене торговых барьеров и необходимости улучшения образования, заработной платы, условий труда и жизни. Однако именно его отношения с Германом Герингом, якобы в качестве честного посредника в установлении мира, и его антропологические экспедиции в районы, представляющие стратегический интерес для нацистов, вызывали тревогу в британских и американских официальных кругах. Теперь, когда он встречался с герцогом Виндзорским, эта тревога только усилилась.

Насколько справедливы были опасения по поводу предполагаемой поездки в Германию? Безусловно, и Виндзор, и его жена стремились привлечь к себе внимание общественности. У герцога не было внутренней жизни, в которой можно было бы найти убежище. Королевские экскурсии и льстивые придворные – вот и все, что он знал. Отказавшись от трона, он искал роль и стал добычей в недобросовестных руках. Чувствуя, что не получит одобрения, Виндзор до последнего момента не рассказывал ни своим друзьям, ни властям об этом туре.

Ощущая себя отвергнутым семьей и изолированным от страны, польщенный вниманием немцев, исполнившись решимости оказать своей жене официальный прием, которого, по его мнению, она заслуживала, и наивно полагая, что в его силах что-то изменить, герцог продолжил турне.

¹⁰³ Ronald Lindsay to Elizabeth Lindsay, 11 October 1937, Acc 9769, 100/1, part 2 of 2, National Library of Scotland.

¹⁰⁴ «3 часа дня у Герцога Виндзорского... очень интересная и приятная беседа. Некоторое сотрудничество следует рассмотреть позже», Wenner-Gren diary, courtesy of Mark Hollingsworth. Cf. Ziegler, p. 455.

Глава 5. Тур в Германии

В понедельник, 11 октября, пара прибыла поездом в Берлин, на станцию, украшенную чередующимися флагами с «Юнион Джеком» и свастиками. Здесь их встретил Роберт Лей, глава Национального фронта труда, министр иностранных дел Риббентроп и представляющий Великобританию скромный третий секретарь Джеффри Харрисон. Посол Великобритании сэр Невилл Хендерсон дипломатически взял отпуск, в то время как его заместитель сэр Джордж Огилви-Форбс позже посетил пару в частном порядке в их отеле¹⁰⁵.

Несмотря на все заверения в том, что визит носит частный ознакомительный характер, быстро стало ясно, что были и другие цели, совершенно отличные от нацистской пропаганды. К Виндзорам были приставлены двое слуг, Рудольф и Марго. Филип Аттфильд, офицер охраны, который говорил по-французски и по-немецки, о чем слуги не были поставлены в известность, быстро обнаружил, что они шпионы, и обыскал багаж пары. В свою очередь, сам Аттфильд действовал как шпион, докладывая МИ-5 о посещениях таких мест, как Пенемюнде, станции ракетных исследований.

Первым пунктом визита Виндзоров был завод по производству станков в Грюневальде, ультрасовременное здание на 3000 рабочих с обширными садами, бассейном и рестораном. После обеда в столовой они насладились концертом Берлинского оркестра Трудового фронта для тысячи рабочих, на котором прозвучали отрывки из произведений Листа и Вагнера¹⁰⁶.

На следующий день состоялось посещение штаб-квартиры Национал-социалистической организации обеспечения, фабрики компании Osram Electric Bulb Company, садовых поселений для рабочих, а затем их ждал ужин, устроенный в 37-комнатном доме Лея в Грюневальде, на котором присутствовали Риббентроп, Гесс, Гиммлер и Геббельс. Этот визит, по-видимому, подтвердил многие немецкие предположения о бывшем короле. Позже Геббельс записал в своем дневнике: «Герцог замечательный – милая, отзывчивая фигура, открытая и ясная, со здоровым пониманием людей... Жаль, что он больше не король. С ним мы смогли бы заключить союз»¹⁰⁷.

В свою очередь, Уоллис писала, что Геббельс, «крошечный, тонкокостный гном с огромным черепом, косолапый вдохновитель нацистских пропагандистских фабрик, произвел на меня впечатление самого умного из всех. Его жена была самой красивой женщиной из тех, кого я видела в Германии, блондинкой с огромными голубыми глазами и хорошим вкусом в одежде. Вместе они напомнили мне Красавицу и Чудовище»¹⁰⁸.

13 октября Винзоры посетили Померанскую школу подготовки телохранителей Гитлера, элитную дивизию СС «Мертвая голова», или, по-немецки, «Тотенкопф». Здесь герцог был замечен за нацистским приветствием – Дадли Форвуд позже описал этот жест как «просто проявление хороших манер»¹⁰⁹. После обеда состоялась воздушная инспекция нацистского молодежного лагеря на берегу Балтийского моря, в то время как Уоллис осмотрела бывшие императорские дворцы в Потсдаме.

14 октября состоялось посещение берлинских музеев, затем чаепитие с Герингом в его охотничьем домике Каринхолл, в сорока милях к северу от Берлина, где кроме него гостей

¹⁰⁵ Сэр Джеффри Харрисон (1908–1990) позже служил послом Великобритании в Бразилии, Иране и Советском Союзе, откуда он был отозван в 1960 году, после того, как попал в подготовленную КГБ ловушку на живца в лице русской горничной.

¹⁰⁶ FO 954/33A/118, TNA.

¹⁰⁷ Jonathan Petropoulos. *Royals and the Reich: The Princes von Hessen in Nazi Germany.*: Oxford University Press, 2006. P. 208.

¹⁰⁸ Heart, p. 307.

¹⁰⁹ Forwood, p. 59, BREN 2/2/7, Churchill College Archives.

ожидали «выстроенные в два ряда охотники, сыгравшие в фанфары на рожках при их появлении»¹¹⁰.

Уоллис позабавило, как Геринг в безупречно белой форме, с рядами орденских лент поперек туники, с удовольствием провел экскурсию по своему дому, демонстрируя коллекцию полотен Рембрандта, а также некоторые тренажеры для поднятия тяжестей в своем хорошо оборудованном спортзале, в том числе массажный аппарат Элизабет Арден, между роликами которого он смог уместить свое огромное тело – и игровую комнату, предназначенную для детей его друзей и родственников:

«...самая сложная игрушечная железная дорога, которую я когда-либо видела – многие метры замысловато соединенных путей, десятки стрелок, угольные наконечники, очаровательные маленькие станции и огромное количество локомотивов и вагонов разных видов. Фельд-маршал, стоя на коленях в своей белой форме, показал нам, как это работает. Ловкость, с которой он направлял поезда вверх и вниз по рельсам, открывал и закрывал переключатели, свистел в свисток и предотвращал столкновения, наводила на мысль, что он, должно быть, провел большую часть своего времени на чердаке»¹¹¹.

Среди других «игрушек» была модель самолета с проводным управлением, которая могла сбрасывать деревянные бомбы. Герцог был потрясен, увидев настенную карту, на которой Австрия была раскрашена уже как часть Германии.

Были поездки в Эссен, где пара посетила угольную шахту, промышленные предприятия и садовые поселки, оружейный завод Круппа. Еще один день они провели в Дюссельдорфе, на промышленной выставке, где осмотрели шахтерскую больницу и концентрационный лагерь. Позже Форвуд вспоминал: «Мы видели это огромное бетонное здание, в котором, как я теперь, конечно, знаю, содержались заключенные. Герцог спросил: «Что это?» Наш хозяин ответил: «Здесь хранится холодное мясо»¹¹².

Тур не был омрачен выходками грубого, пьяного Лея, который был освобожден от своих обязанностей в середине поездки. Уоллис позже описала его как «если не алкоголика в полном смысле слова... то шумного, хронического пьяницу»¹¹³, равнодушного к шнапсу, который он тайком распивал в течение дня. У него были яркие глаза, румяный цвет лица и приземистое, как у медведя, телосложение. На мой американский взгляд, он был немного дурачком»¹¹⁴. Лей получал особое удовольствие от чрезвычайно быстрой езды. Уоллис «боялась, что ее сдует с заднего сиденья», под звуки «перекрывающих рев ветра немецких мелодий, в такт которым Лей вертел головой из стороны в сторону»¹¹⁵.

Тем временем британское правительство внимательно следило за Шарлем Бедо, который прибыл в Берлин за две недели до визита Виндзоров. 17 октября Огилви-Форбс сообщил Идену:

«Два дня назад я обедал наедине с Прентиссом Гилбертом, новым советником и поверенным в делах Посольства Соединенных Штатов... Он поднял тему герцога Виндзорского и предполагаемого визита Его Королевского Высочества в Соединенные Штаты. Он также сказал, что в результате подходов, которые г-н Бедо сделал к нему, стало ясно, что этот человек «руководил» Его Высочеством и, вероятно, оплачивал его расходы за тур за пределами Германии... Боюсь, многое из вышесказанного будет нелегко читать, но вы должны знать, что здесь

¹¹⁰ Sunday Mirror, 31 October 1954.

¹¹¹ Heart, p. 306.

¹¹² Forwood, p. 44, BREN 2/2/7, Churchill College.

¹¹³ Heart, p. 304.

¹¹⁴ Heart, p. 304. Четырехцветный означает хвостун.

¹¹⁵ Heart, p. 304–305. Редко трезвый, со склонностью к несовершеннолетним девочкам, Лей покончил с собой, ожидая суда в Нюрнберге за военные преступления. В 1942 году он жестоким обращением довел до самоубийства жену (на двадцать шесть лет младше него).

происходит и что было бы неплохо следить за деятельностью г-на Бедо... Это письмо, которое я напечатал сам, не будет помещено в архив канцелярии»¹¹⁶.

22 октября пара прибыла в Мюнхен для главного события своей поездки – чаепития с Гитлером в Берхтесгадене¹¹⁷. Специальный поезд доставил их в горное убежище Гитлера, расположенное в семидесяти милях от города. В связи с ранним прибытием им пришлось подождать, пока фюрер подремлет, но в конце концов встреча началась в 14:30. Хотя герцог говорил по-немецки, Гитлер настоял на том, чтобы воспользоваться услугами переводчика Пауля Шмидта. Уоллис увела Ева Браун и Рудольф Хесс, которые говорили с ней о музыке, в то время как детектив Филип Аттфильд был предоставлен сам себе, хотя с ним всегда находился человек из гестапо¹¹⁸.

Сообщая об этом визите, «Нью-Йорк таймс» отметила, что «герцогиня была явно впечатлена личностью фюрера, и он, очевидно, дал понять, что они стали близкими друзьями, нежно попрощавшись с ней. Он взял пару за руки, долго прощаясь, после чего застыл в жесткой позе нацистского приветствия, на которое ответил герцог»¹¹⁹.

Уоллис, которая всегда испытывала тягу к влиятельным людям, позже писала о «восковой бледности Гитлера, о сложенных под усами в некую невеселую гримасу губ... Его глаза были поистине необыкновенными – напряженными, немигающими, притягательными»¹²⁰. Форвуд был более прямолинеен. Он вспоминал Гитлера как «забавного маленького человечка, сидевшего рядом с герцогом. Он не произвел на меня впечатления великого человека»¹²¹.

Не существует записей того разговора между герцогом и Гитлером, хотя Пол Гетти, впоследствии друг Виндзора, размышлял: «Меня не удивит, если однажды из какого-нибудь хранилища повышенной секретности будет извлечено досье «СЕКРЕТНО» и на этот эпизод прольется новый свет»¹²². Единственная очевидная драма визита, рассказанная детективом герцога Аттфильдом, заключалась в том, что «Школьная учительница-англичанка прошла через охрану. Я поймал ее, когда она собиралась обнять герцога. Она следила за вечеринкой в течение десяти дней»¹²³.

Виндзоры вернулись в Париж 24 октября. Несмотря на все опасения в британских правительственных кругах, их визит в нацистскую Германию не оказал большого влияния. Найджел Лоу, находившийся в Германии по делам, сообщил о своем впечатлении в Министерство иностранных дел:

«Визит герцога Виндзорского, похоже, произвел плохое впечатление. Вся его поездка и расходы были оплачены Немецким трудовым фронтом. Он постоянно находился в сопровождении доктора Лея, который неизменно пьян и не является сколько-нибудь значимой фигурой среди нацистов. Он очень мало видел настоящих лидеров и провел с фюрером совсем немного времени. Даже счет за маникюр его секретарши оплатил доктор Лей, и в отеле «Кайзерхофф», где он остановился, чаевых не давали. Немцы говорят, что он не понял и половины из того, что видел или что ему говорили. Весь этот визит описывается как недостойный для того, кто занимал столь высокую должность»¹²⁴.

¹¹⁶ Ogilvie-Forbes to Secretary of State, 17 October 1937, Bedaux Activities. FO 954/33A/94, TNA.

¹¹⁷ Report of Consul General in Munich to British Embassy, Berlin, 22 October 1937, FO 954/33A/114, TNA.

¹¹⁸ Heart, p. 308.

¹¹⁹ New York Times, 23 October 1937.

¹²⁰ Heart, p. 308.

¹²¹ Forwood, p. 60, BREN 2/2/7, Churchill College.

¹²² J. Paul Getty. As I See It.: WH Allen, 1976. P. 84.

¹²³ Sunday Mirror, 31 October 1954.

¹²⁴ CHAR 2/300, TNA.

Следующая цель – визит в Америку. 24 октября Бедо, который финансировал поездку, в своем письме из парижского Ритца отправил Линдсею «первый набросок полного расписания посещений»¹²⁵.

Визит начнется в Вашингтоне 11 ноября и завершится в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско в середине декабря. Герцог встретится с президентом Франклином Д. Рузвельтом в Белом доме; его жена Элеонора лично покажет ему жилищные проекты, в которых она участвовала; герцог возложит венок на Арлингтонском кладбище и выступит перед нацией. Был нанят частный поезд «Пульман», чтобы доставить их с Востока на Западное побережье, и «Дженерал Моторс» предоставила в их распоряжение парк из девяноста новейших быюиков.

Три дня спустя Бедо и его жена Ферн отправились готовиться к отплытию в Нью-Йорк. Также на борту «Европы» находился Эрнест Симпсон, целью визита которого была женитьба на Мэри Раффрей.

Виндзоры подготовились к своему новому путешествию, отправив семистраничную памятку персоналу немецкого судна «Бремен», которое должно было доставить их в Нью-Йорк, с изложением своих требований, в числе которых значилось обслуживание в Красной комнате, отдельная столовая, отведенная для них на солнечной палубе, приготовление специальной английской смеси чая и бочонок лондонской питьевой воды. В памятке шеф-поварам сообщалось, что герцог любит простую еду, стейки, котлеты и курицу на ужин, предпочитает французскую заправку без горчицы и пьет только минеральную воду перед коктейлем. Кроме того, он обожает канапе из печеночного паштета, вестфальской ветчины и редиса. За ужином он любит кларет, но не белые вина или шампанское, а после обеда пьет бренди с кофе¹²⁶.

2 ноября, на следующий день после того, как чета Бедо прибыла в Нью-Йорк для завершения договоренностей, заместитель госсекретаря США Самнер Уэллс сообщил о своих переговорах с послом Великобритании Рональдом Линдсеем:

«Посол довольно многозначительно сказал, что в последнее время чувство возмущения усилилось из-за того, что активными сторонниками герцога Виндзорского в Англии были элементы, которые склонны к фашистским диктатурам, и что недавнее турне по Германии и его показательный прием Гитлером могут быть истолкованы только как готовность Эдуарда поддаться этим тенденциям»¹²⁷.

Назревали неприятности. Средства массовой информации уже были настроены скептически. Лондонский обозреватель Ханнен Сваффер написал: «Это не что иное, как рекламный трюк. Я путешествовал с герцогом, когда он изучал жилищное строительство в Уэльсе, и если бы он прожил там пятьдесят лет, он бы знал об этом не больше, чем знает сейчас»¹²⁸. Теперь американские профсоюзы, которые не были поклонниками промышленной практики Бедо, ответили. Рональд Линдсей сообщил в Министерство иностранных дел:

«Тон прессы и тенденции общественного мнения в отношении турне герцога Виндзорского становятся все более неблагоприятными... Высказывания о герцогине звучат недружелюбно. Но больше всего его перспективам повредила связь с Бедо, который, конечно же, является проклятием для лейбористов. Кульминация была достигнута сегодня с публикацией Балтиморской федерации труда, в которой критиковалась поездка герцогини и особенно Бедо, а также фашистские тенденции, проявившиеся в обстоятельствах недавнего визита герцога в Германию»¹²⁹.

¹²⁵ FO 954/33A/183, TNA.

¹²⁶ Martin, p. 353.

¹²⁷ Washington Dept of State file FW033.4111, Memorandum of Confidential Conversation, 2 November 1937, National Archives, quoted Greg King, *The Duchess of Windsor* (Aurum, 1999), p. 286.

¹²⁸ Martin, p. 354.

¹²⁹ Lindsay to Foreign Office, 4 November 1937, FO 954/33A/121, TNA.

Организованные лейбористы долгое время недолюбливали Бедо, и последние события наконец развязали им руки. Американская федерация труда и Конгресс промышленной организации выступили с заявлениями, в которых критиковали его компании и их политику повышения эффективности. Профсоюз нью-йоркских грузчиков объявил, что они будут пикетировать корабль Виндзора и не станут разгружать багаж. Акции американских компаний Бедо резко упали, и его коллеги-директора вынудили его уйти с поста президента American Bedaux Associates. Бывшая любовница, Луиза Бут, предъявила ему иск в размере 250 000 долларов, а Налоговая служба вручила ему счет на 202 718 долларов¹³⁰. Бедо, который вылетел в Канаду, а затем в Европу, понял, что игра окончена, и телеграфировал герцогу: «Из-за организованной на меня здесь травли я уверен, что провести ваш планируемый дальнейший тур под моей эгидой будет проблематично... Я с уважением... умоляю вас полностью освободить меня от всех обязанностей»¹³¹.

Теперь герцог отменил поездку. Брат Линдсея, лорд Кроуфорд, отметил в своем дневнике:

«Итак, герцог Виндзорский отменил свое путешествие в Америку. Рональд сказал мне, что он безнадежно ошибся, начав свой визит с предварительного тура по Германии, где его, конечно же, сфотографировали братающимся с нацистом, борцом с профсоюзами и евреями. Бедный маленький человечек. У него нет собственного здравого смысла, и нет друзей, обладающих хоть каким-то здравым смыслом, которые могли бы дать ему совет. Я надеюсь, что это послужит ему острым и полезным уроком»¹³².

8 ноября «Дейли Геральд» в редакционной статье расставила точки над «i»: «Герцог Виндзорский теперь объявил, что в будущем он будет считать себя «более не публичной фигурой». Это мудрое решение»¹³³.

Но подозрения относительно его амбиций оставались. 22 ноября Роберт Брюс Локхарт написал в своем дневнике после разговора с дипломатом Рексом Липером: «Немецкий взгляд на Эдуарда, герцога Виндзорского. Немцы все еще верят, что он вернется в качестве короля, способствующего социальному равенству, даст добро английскому фашизму и союзу с Германией»¹³⁴.

Неделю спустя Линдсей написал Алеку Хардингу: «Заслуживающие доверия лица продемонстрировали мне копии двух писем, написанных Бедо в августе и сентябре о турне герцога Виндзорского, которое находилось только на стадии планирования»¹³⁵. В письмах говорилось, что поездки Виндзоров были частью «всемирного движения за мир» и «в какой-то момент турне герцога в Америке должен был быть опубликован соответствующий манифест. Мне сообщили, что предварительные копии этого заявления были переданы редакторам некоторых газет, и поэтому они все еще находятся в их руках. Я посылаю копию этого Ванситарту»¹³⁶.

Затем в декабре до сведения правительства был доведен еще один пример взглядов герцога. Уильяму Тирреллу, гостившему у своего преемника на посту посла Великобритании в Париже сэра Эрика Фиппса в конце 1937 года, сообщили, что сотрудник посольства видел текст интервью, которое Виндзор дал журналисту Daily Herald:

¹³⁰ Jim Christy. The Price of Power: A Biography of Charles Eugene Bedaux.: Doubleday, 1984. P. 169.

¹³¹ Associated Press, 5 November 1937. Бедо потерял 200 000 фунтов стерлингов, контроль над своими американскими компаниями, перенес нервный срыв и провел месяцы в баварском санатории. Он так и не вернулся в Америку.

¹³² 6–7 November 1937, Vincent, p. 585.

¹³³ Daily Herald, 8 November 1937.

¹³⁴ Bruce Lockhart Diaries, 22 November 1937, Vol. 1, p. 382.

¹³⁵ Ronald Lindsay to Alec Hardinge, 29 November 1937, FO 954/33A/183, TNA.

¹³⁶ Ronald Lindsay to Alec Hardinge, 29 November 1937, FO 954/33A/183, TNA.

«...в котором утверждалось, что Его Королевское Высочество сказал, что, если у Лейбористской партии будет на то желание и возможности, он готов стать президентом Английской республики. Тиррелл призвал Гринвуда исключить данный фрагмент из любого опубликованного отчета об этом интервью, настолько его потрясло и напугало услышанное. Гринвуд сдержал обещание, и насколько я понимаю, именно поэтому то интервью до сих пор не увидело свет... Я никому не сообщаю об этом, кроме лично вас»¹³⁷.

Герцог явно затевал свою игру. Это будет подтверждено последующими событиями.

¹³⁷ Eric Phipps to Anthony Eden, 28 December 1937, FO 954/33a/186, TNA, and PHPP 1/19, Churchill College.

Глава 6. Интерлюдия

После возвращения из свадебного путешествия Виндзоры жили в номере люкс отеля «Мерис» с видом на Тюильри, где они договорились о сниженной оплате за проживание в размере 30 долларов в день на том основании, что были хорошей рекламой отеля¹³⁸. Учитывая, что им не позволено было вернуться в Великобританию – их беспокоили как налоги, которые они теперь выплачивали как частные лица, так и любые условия, которые могла выдвинуть королевская семья. Но при этом их будущее было обеспечено в финансовом плане, и теперь они решили пустить корни во Франции.

26 января Уоллис написала своей тете Бесси:

«Мы решили не ехать в Гавану в этом году, так как чувствуем, что нам действительно нужен дом, прежде чем мы продолжим путешествовать. Эта жизнь в окружении сундуков и отелей очень неудовлетворительна. Я осмотрела несколько квартир в разных направлениях за пределами Парижа, меблированных и без мебели. Первые безнадежны, а те, что без мебели, либо дворцы, либо слишком малы, неудобно расположены или слишком далеки от гольфа и т. д. и т. д. Поэтому, чтобы просто выбраться из этого отеля, мы сняли меблированный дом в Версале с небольшим садом и теннисным кортом, принадлежащий миссис Пол Деппи. Это удобно, не очаровательно, но пристойно, и мы сняли его с 7 февраля по 7 июня – ужасная, как и все, чего касаются Виндзоры, арендная плата...»¹³⁹

Это был замок де Ла Май в Версале, расположенный в большом частном саду, с бассейном, теннисным кортом и частным полем для гольфа на девять лунок¹⁴⁰. Компромиссное решение, поскольку Уоллис хотела бывать в Париже, а герцог – иметь загородный дом, где он мог бы предаваться своей любви к садоводству. Одним из преимуществ замка было то, что он находился недалеко от виллы Трианон, дома их близких друзей, сэра Чарльза и Элси Мендл.

Элси де Вулф, миниатюрная женщина, чей трюк на вечеринке состоял в том, чтобы стоять на голове, была на тридцать лет старше Виндзоров. Она самостоятельно изобрела профессию декоратора интерьеров и вместе со своей возлюбленной Элизабет Марбери, литературным агентом, представляющим интересы Оскара Уайльда и Джорджа Бернарда Шоу, приехала в Париж на рубеже веков. Она и Марбери, умершая в 1933 году, купили виллу Трианон восемнадцатого века, которая была построена Людовиком XV как убежище вдали от главного дворца, но затем превратилась в развалины, и восстановили ее.

В 1926 году де Вулф удивила своих друзей, выйдя замуж за бисексуала сэра Чарльза Мендла, пресс-атташе британского посольства в Париже. Это был брак по расчету, который оправдался, поскольку он нуждался в ее деньгах, а она хотела титул – Мендл был посвящен в рыцари в 1924 году не за то, что получал письма от жиголо, шантажировавшего брата герцога Джорджа, но за свою шпионскую деятельность.

Констанс Кулидж, старая подруга Уоллис, часто обедала в замке де ла Май. 22 марта она записала в своем дневнике:

«Что ж, ужин удался на славу... Уоллис выглядела прелестно в голубом платье с блестками. Это было совершенно неформальное мероприятие, и разговоры за столом не утихали. Уоллис действительно перебивала герцога, но потом он еще надолго задержался в столовой и очень хорошо говорил о политике. Он сказал, что Чехословакия была смешной страной –

¹³⁸ Примерно 550 долларов США по нынешнему курсу.

¹³⁹ Michael Bloch, Secret File, pp. 124–125.

¹⁴⁰ Теперь это роскошная частная больница. Ходили слухи, что они захватят замок Гросбуа, который Наполеон подарил маршалу Бертье, но Уоллис сочла его «слишком королевским». New York Times, 20 February 1938.

просто посмотрите на нее – как кто-либо мог бы развязать из-за такого войну. Это вообще не страна, а просто идея Уилсонов»¹⁴¹.

Дневник Кулидж дает представление о странном эпизоде из жизни Виндзоров, который редко упоминается в других документах. На следующий день Кулидж записала, как ее пригласили встретиться с женщиной по имени Марони на третьем этаже по адресу бульвар Эмиля Ожье, 36 в 16-м округе:

«Дверь открыл дворецкий в белом облачении – очень странная квартира – белый атласный диван и занавески... странная женщина, светлые крашенные волосы (sic), темные глаза, длинный нос – итальянка – определенно авантюристка, она была посредником для своей подруги... также герцогини... У этой женщины есть документы, письма, фотографии... доказательства чего-то очень вредного для королевской семьи и герцога. Она хочет увидеться с герцогом наедине... Вы не станете верить тем бумагам, и если он попросит ее об этом, она сожжет бумаги, но она должна его увидеть. Она преследовала его из Австрии... Она предложит мне очень большую сумму. «Какова ваша цена?», чтобы устроить это. Есть человек, который купит эти бумаги, чтобы напечатать их в Америке»¹⁴².

Через два дня Кулидж обедала с инспектором полиции, который сказал ей, что на Марони уже есть досье, что эта женщина была бывшей горничной герцога и «документы имели отношение к принцу Гессенскому»¹⁴³.

Принц Гессенский, скорее всего, был Филиппом Гессенским и, как и герцог Виндзорский, правнуком королевы Виктории. Архитектор и бисексуал – одна из его связей была с поэтом Зигфридом Сассуном – он женился на принцессе Мафальде, дочери короля Виктора Эммануила в 1925 году. В октябре 1930 года принц вступил в нацистскую партию и к июню 1933 года был обер-президентом или региональным лидером партии в Пруссии. Он был близок как с Герингом, так и с Гитлером, который был крестным отцом одного из его сыновей, и, свободно владея английским, французским и итальянским языками, служил специальным посланником нацистов. В этом качестве он имел дело с герцогом и сопровождал его в турне по Германии в октябре 1937 года.

У шантажиста, по-видимому, имелись компрометирующие материалы. По словам Чарльза Хайама, женщина:

«Выдавала себя за горничную из дома двоюродного брата герцога, принца Филиппа Гессенского, фаворита Гитлера и частого посланника итальянского диктатора Муссолини, чтобы украсть фотографии и документы, свидетельствующие о том, что герцог имел тайную интимную связь с бисексуалом Филиппом»¹⁴⁴. Виндзоры, находившиеся на юге Франции и подумывавшие о том, чтобы снять виллу на лето, немедленно помчались обратно¹⁴⁵. В Париже их встретил сэр Филип Гейм, комиссар столичной полиции.

«Там были герцог и два начальника полиции, один англичанин и один француз, и я должна была рассказать им все до прибытия герцога», – писала Кулидж в своем дневнике. «Даже о «человеке, который отказался от трона и завел любовницу в Австрии». Это было совершенно неловко!»¹⁴⁶

¹⁴¹ Constance Coolidge diary, supplied by Andrea Lynn, but available at reel 5, Crowninshield-Magnus papers, Massachusetts Historical Society.

¹⁴² Constance Coolidge diary, 23 March 1938. This was a different stalker from the one in chapter 5.

¹⁴³ Дневник Констанс Кулидж, 26 March 1938.

¹⁴⁴ Charles Higham. In and Out of Hollywood.: University of Wisconsin Press, 2009. P. 279.

¹⁴⁵ Это был замок, Вилла Леопольда, построенный для бельгийского короля Леопольда, а затем принадлежавший американскому архитектору Огдену Кодману. Более поздними владельцами были Джанни Анжелли, Эдмонд и Лили Саффра. Он считается самой дорогой недвижимостью в мире.

¹⁴⁶ Coolidge diary, 5 April 1938. Вывод заключался в том, что подозрения Уоллис относительно Китти Ротшильд были верны. Префектом полиции был Роже Ланжерон.

Узнав о вмешательстве полиции, мадам Марони исчезла, и, по словам Хайама, «ее документы были изъяты полицией и... отправлены в Москву; когда они были возвращены в Париж после Второй мировой войны, они снова исчезли»¹⁴⁷. Теперь началась охота за письмами с Гессе, которые могли раскрыть сексуальные отношения с герцогом или, по крайней мере, какие-то каверзные моменты, связанные с политикой.

Помимо писем Гессе, вокруг герцога было множество проблем, не в последнюю очередь из-за заявлений о незаконнорожденных детях, которых он наплодил по всему миру. Вопрос о сексуальности герцога давно интриговал общественность. Было известно о его многочисленных романах до встречи с Уоллис, в том числе об одном давнем, случившемся сразу после Первой мировой войны и до 1929 года с Фредой, женой Уильяма Дадли Уорда, члена парламента от либералов. Как и в случае с Уоллис, здесь была определенная материнская привязанность. Он называл ее «Фредди-Веди», и их переписка была примечательна множеством по-детски исковерканных словечек («тякой сельдитый», «твой собственный маленький Дэвид так сильно лидает внутри») и грязных шуток.

Миниатюрная, элегантная, преданная, сдержанная женщина с хорошим чувством юмора, она, по мнению друзей герцога, оказывала на него хорошее влияние. Фреда узнала, что ее исключили из числа королевских фаворитов, только когда коммутатор Букингемского дворца отказался принимать звонки, но больше всего ее задело поведение двух ее дочерей, Пенелопы и Анджелы, поскольку он «был для них как отец». Как она позже рассказала писательнице Кэролайн Блэквуд:

«Они обожали его. Но как только он встретил герцогиню, они больше никогда о нем не слышали... Герцог сделал то, что действительно потрясло меня. Это было так мелко и жестоко, что мне действительно было больно... Он договорился, чтобы одна из моих дочерей, которая в то время была совсем маленькой, получала жемчужину от ювелира на каждый свой день рождения... Идея заключалась в том, что у нее будет ожерелье к тому времени, когда она вырастет... В тот момент, когда он встретил герцогиню, он отменил заказ у ювелира! Я подумала, насколько же поразительно, что герцог, у которого было больше драгоценностей, чем у кого-либо в мире, забрал крошечное жемчужное ожерелье у ребенка»¹⁴⁸.

Должность королевской любовницы после Уорд заняла бывшая актриса Тельма Фернесс, затем вышедшая замуж за судоходного магната виконта Фернесса. В 1934 году она велела своей подруге Уоллис присмотреть за «маленьким человечком», а остальное – уже совсем другая история.

Попутно у Эдуарда было еще много романов, особенно во время кругосветных путешествий, которые он совершил после Первой мировой войны¹⁴⁹. Были даже заявления о внебрачных детях, в том числе от французской швеи Мари-Леони Графтио (Марсель Дормуа), у которой родился сын Пьер-Эдуард (1916–1994)¹⁵⁰. Фредерик Эванс, родившийся в 1918 году, утверждает, что у его матери-пианистки Лилиан Бартлетт был роман с принцем, хотя отцом был указан некий валлийский шахтер Джеймс Эванс, но она рассказала принцу о мальчике, и тот ответил финансовой поддержкой¹⁵¹.

По словам Питера Макдональда, который слышал эту историю от своего деда, в 1920 году, находясь в клубе «Данидина» во время своего турне по Новой Зеландии, от принца забе-

¹⁴⁷ In and Out, p. 279.

¹⁴⁸ Caroline Blackwood. *The Last of the Duchess*.: Macmillan, 1995. P. 211.

¹⁴⁹ Одним из них был роман с Пинной Крюгер, актрисой, женой нью-йоркского галантерейного миллионера, во время поездки в Соединенные Штаты в 1924 году, когда он путешествовал как лорд Ренфрю.

¹⁵⁰ Сын Пьера приводит доводы в фильме «L'homme qui aurait dû être roi: L'incroyable récit du petit-fils caché d'Edouard VIII» Франсуа Графтио с Жаном Сиккарди и Хелен Гроссо (Cherche Mido, 2016). Британская версия этой истории называется «The King's Son: The True Story of the Duke of Windsor's Only Son» by J. J. Barrie (privately published, 2020).

¹⁵¹ История была выбрана для фильма Тоддом Алленом.

ременела служанка, у которой родился сын, «ему был выплачен денежный перевод из Лондона... его прозвище в «Данидине» было Король... Король расхаживал по городу, и у него наблюдалось большое сходство с отцом принца Уэльского, поскольку он носил похожую одежду и королевскую бородку»¹⁵².

Ходят также слухи, что Эдвина Драммонд, родившаяся в апреле 1920 года, была дочерью принца Уэльского, ее крестного отца, который был постоянным гостем в ее семейном доме Питсфорд-Холл, недалеко от Нортгемптона, где он участвовал в охоте в деревне Питчли. Уилф Харрис, в то время певчий в деревенской церкви, вспоминает визиты принца: «Мы все знали, что он любил лошадей и ее [миссис Драммонд]». Многие в деревне, по его словам, считали, что у принца был роман с Кэтлин Драммонд и он был отцом ее третьей дочери, Эдвины. «В этом нет сомнений», – сказал Харрис¹⁵³.

Другой местный житель, отставной полицейский из Нортгемптоншира, согласен с этим. Его мать работала в Питсфорд-холле, и рассказы, переданные ему, не оставили у него никаких сомнений. «Эдвина была дочерью принца, – сказал полицейский. – Все знали, что она была другой». Предполагается, что ее отец Джордж Драммонд застал свою жену Кэтлин с принцем Уэльским в компрометирующей ситуации в конюшне и сказал: «Сэр, я поделюсь своим вином и лошадьми с любым мужчиной, но я не буду делить ни с одним мужчиной свою жену!»

Вторая жена Драммонда, Гонора, утверждала, что в то время как три сестры Эдвины унаследовали орлиный нос своего отца, у Эдвины был вздернутый нос, как у принца. В 1937 году, когда она заканчивала школу в Германии, она видела принца во время его визита к Гитлеру. Связи между двумя семьями продолжились, когда Георг VI стал крестным отцом сына Драммонда Джорджа от второго брака, а принцессы Елизавета и Маргарет учились верховой езде в Питсфорде. Позже Эдвина вышла замуж за Эрика Мирвилла, который служил во Французском иностранном легионе, и переехала в Ирландию, где умерла в 1980-х годах¹⁵⁴.

Более убедительный довод можно привести в пользу актера Тимоти Сили (родился 10 июня 1935 года), чья мать Вера была сестрой Фреды Дадли Уорд. Герцог Виндзорский, в то время принц Уэльский, был шафером на свадьбе Веры с Джимми Сили в 1925 году и крестным отцом сестры Тима Элизмы. Принц и Джимми Сили подружились на охоте, и Эдуард часто гостил у Сили в Ноттингемшире. Семья Сили позже скептически отзывалась об этой истории, которая была впервые раскрыта писателем Джоном Паркером, и отказалась говорить об этом, но после смерти герцога адвокаты Эдуарда связались с Сили¹⁵⁵.

«На протяжении многих лет различные авторы/репортеры связывались с Тимом для интервью/статей, но ответ всегда был один и тот же: ему это неинтересно, – твердо сказала его жена Камилла. – Он чрезвычайно сдержан... Мы бы не хотели никоим образом стать частью тех недостойных историй, что ходят вокруг Королевской семьи»¹⁵⁶.

* * *

Тем временем, Виндзоры по-прежнему находились в подвешенном состоянии. Чипс Чэннон записал в своем дневнике в марте 1938 года:

«Тревожные новости о Виндзорах: они обедают в одиночестве вечер за вечером, игнорируемые, презираемые французами и пренебрегаемые англичанами. Герцог Виндзорский,

¹⁵² Peter Macdonald to the author, 25 February 2021.

¹⁵³ Sunday Times, 11 July 1999.

¹⁵⁴ Sunday Times, 11 July 1999.

¹⁵⁵ Anthony Camp. Royal Mistresses and Bastards: Fact And Fiction 1714–1936.: Society of Genealogists, 2009. P. 398, и John Parker. King of Fools.: St Martins, 1988. Pp. 71–72. Сили написал предисловие к последнему. Члены семьи предположили, что на самом деле Элизма была ребенком герцога.

¹⁵⁶ Camilla Seeley to author, 25 August 2020.

конечно, настроен очень прогермански; он утверждает, что, останься он на троне, немецкий переворот в Австрии никогда бы не произошел. «Я должен был обратиться лично к Гитлеру», – патетически сказал он Китти Браунлоу. Ему так одиноко, так скучно»¹⁵⁷.

Журналист Колин Брукс, столкнувшийся с парой в Спортивном клубе в Монте-Карло в том месяце, представляет их портрет в то время:

«Возглавляя небольшую группу людей, сквозь кланяющихся чиновников прошла маленькая, поджатая, темноволосая женщина, с царственной осанкой, за ней следовали двое невзрачных лиц, а затем миниатюрный мужчина со светлыми волосами, очень красным лицом и поведением напоминающий счастливого мальчика-бакалейщика. Это был герцог Виндзорский. На мой взгляд, он выглядел загорелым, здоровым и гораздо более собранным, чем когда я видел его в последний раз. Он не теребил галстук, его руки были засунуты в карманы брюк. Центром внимания на той маленькой вечеринке была она, а не он. Ее лицо стало ощутимо жестче – она вообще воплощение жестких линий, темные волосы разделены пробором и приглажены, как у нарисованной голландской куклы, жесткая линия рта, жесткий взгляд, строгое черное платье с жестким контуром»¹⁵⁸.

В мае 1938 года Виндзоры нашли себе летнюю виллу, взяв в аренду на десять лет замок де ла Кроэ, расположенный на полуострове Кап д'Антиб, у вдовы владельца британской газеты сэра Помероя Бертон. Построенный в начале 1930-х годов, он стал известен как «Замок Руа», поскольку его последовательно занимали Виндзоры, король Бельгии Леопольд III и королева Италии Мария Хосе¹⁵⁹.

Трехэтажная, сверкающая белая вилла с зелеными ставнями и соответствующими навесами, за высокими стенами и живой изгородью раскинулись почти на пять гектаров сады и леса с елями, соснами, тисами, эвкалиптами и кипарисами, между которыми петляла узкая дорога из порта. Был там и теннисный корт, помещения для прислуги, теплицы, гаражи, а по обе стороны от входных ворот располагалось по небольшому домику, в котором размещался персонал.

Дом был построен вокруг огромного центрального зала, в котором доминировало красно-золотое знамя герцога ордена Подвязки, которое проходило по всей глубине дома, из которого выходили большие комнаты с потолками высотой семь с половиной метров и высокими зеркальными дверями. Справа от холла находилась столовая, в которой могли разместиться 24 человека и где висела картина Альфреда Маннингса «Принц Уэльский на лесной ведьме», в то время как слева находилась гостиная и библиотека.

Все было украшено их подругой Элси Мендл в цветах Букингемского дворца – белом, красном и золотом. Обеденные стулья были из красной кожи с черными и золотыми спинками, в красно-белой библиотеке доминировал огромный портрет королевы Марии над мраморным камином, стоял рояль «Стейнвей», на котором герцог играл – когда герцогиня отсутствовала. Над каминами и на многих дверях висели зеркала – признак стиля Уоллис – в интерьере также присутствовали стекло, фарфор, мебель и постельное белье из форта Бельведер и Йорк-хауса.

Мраморная лестница вела в галерею второго этажа и спальни: спальня Уоллис, украшенная изображениями в стиле тромпе, символизирующими ее прошлое – одна из них представляла собой колоду карт с королем червей, падающим вниз, – в нежно-розовом и абрикосовом

¹⁵⁷ 26 March 1938, Simon Heffer, Henry 'Chips' Channon. The Diaries 1918–38.

¹⁵⁸ 27 March 1938, N. J. Crowson, Fleet Street, Press Barons & Politics: The Journals of Collin Brooks.: Cambridge University Press, 1998. Pp. 202–203.

¹⁵⁹ Греческий судоходный магнат Аристотель Онассис владел замком с 1950 по 1957 год, продав его после того, как его жена Афина Ливанос застала его в постели со своей подругой, светской львицей Жанной Райнлендер. Затем дом был приобретен шурином и деловым соперником Онассиса Ставросом Ниархосом, который купил его для своей жены Евгении Ливанос, сестры Афины. С 2001 года им владеет российский бизнесмен Роман Абрамович, который, как полагают, потратил на восстановление замка 30 миллионов фунтов стерлингов.

цветах, его – в алом и бежевом. Ванная комната Уоллис была выдержана в алых и черных тонах, в ней стояла позолоченная каменная ванная со скульптурами из лебединых шей по краям.

Были в доме и две комнаты для гостей на первом этаже – Розовая комната и Венецианская комната в красно-золотом цвете, с двумя антикварными кроватями и венецианским сундуком с изогнутым фасадом; а затем еще четыре комнаты для гостей на втором этаже – Директория, Голубая комната, Веджвуд и Тойл де Жуи – каждая с парой антикварных кроватей, коврами, занавесками, покрывалами, подушками, полотенцами и даже канцелярскими принадлежностями соответствующих цветов.

На вершине виллы находился пентхаус, куда можно было подняться на лифте, который герцог назвал «Бельведер»: смесь кабинета, личной гостиной и покоев адмирала флота, где телескоп позволял ему смотреть на море. Он был украшен корабельным хронометром, принадлежавшим Георгу V, медным колоколом и барометром, а также трофеями для гольфа и охоты, фотографиями его родителей и примерно полудюжиной фотографий Уоллис.

«На двух низких встроенных полках из необработанного дуба хранилась коллекция крошечных игрушек и сувениров герцога – результат увлечения на протяжении всей жизни», – вспоминала Дина Худ, которая в тот период работала секретарем герцога. Также она писала:

«Многие маленькие фигурки были забавными; некоторые довольно трогательными, как маленький набор мебели для кукольного домика в черно-золотом цвете, который включал дедушкины часы, экран и письменный стол с книжным шкафом над ним. На подносе стоял крошечный игрушечный чайный сервиз, миниатюрный столик с шейкером для коктейлей и стаканами на нем и книжный шкаф, полный книг. Одна полка была полностью посвящена игрушечным животным: собачке в конуре и собачке на стуле, двум забавным пороссятам, маленькой белой лягушке и крошечному зеленому ежику с розовыми иголками»¹⁶⁰.

Снаружи дома была терраса в форме полумесяца с шестью колоннами, обращенная к морю. К морю также вели высеченные в скале ступеньки, в скалах был вырублен бассейн и стояли два небольших павильона для переодевания с красно-белыми навесами. Над ними развевался штандарт принца Уэльского.

На Виндзоров работало шестнадцать слуг, в том числе два шофера, дворецкий и знаменитый французский шеф-повар Пинаудье, все они были одеты в личную ливрею, разработанную герцогом: алые пальто с золотыми манжетами для официальных случаев и черные костюмы с жилетами в малиновую, белую и золотую полосу в течение дня. На летний период были сшиты легкие костюмы из светло-серой альпаки, в то время как в Париже они носили черные костюмы с жилетами в малиновую, белую и золотую полосу с серебряными пуговицами и алыми жилетами с золотым воротником для официальных обедов.

В герцогскую корону на серебряных пуговицах серой ливреи из альпаки, которую носили дворецкий и лакеи, и на всем, начиная от униформы, писчей бумаги, карточек меню, постельного белья и заканчивая спасательными кругами, висящими у бассейна, были вплетены буквы УЭ. Большинство вечеров они ужинали на открытом воздухе за W-образным столом на террасе с видом на море с изысканными блюдами, такими как дыня с томатным льдом и яйца в крабовом соусе. Парикмахер приходил ежедневно, маникюрша – два раза в неделю.

В доме настаивали на соблюдении королевского протокола: гости кланялись или делали реверансы обоим Виндзорам, впервые увидев их утром, в то время как секретарше герцога приходилось стоять, пока она писала под диктовку. Уоллис называла своего мужа «Дьюк», а сама всегда была «Ваше королевское высочество». Эта фантазия поддерживала их отношения. Короче говоря, все это было попыткой воссоздать ту жизнь, которую они потеряли.

«Я сидел рядом с герцогиней. Он устроился напротив. Они часто называли друг друга «дорогой/дорогая». Я часто называл его «Ваше королевское высочество» и все время «сэр». Я

¹⁶⁰ Dina Wells Hood. Working for the Windsors.: Wingate, 1957. P. 61.

называл ее «герцогиней», – писал Гарольд Николсон своей жене после ужина с Виндзорами в доме Сомерсета Моэма в августе 1938 года. И добавлял:

«Невозможно отделаться от его очарования, очарования и печали, хотя, должен сказать, он казался достаточно веселым. У них здесь вилла и яхта, и они ездят туда-сюда. Он копается в саду. Но трогательно то, как он чувствителен к ней. Из того, что она сказала, мне было совершенно ясно, что она надеется вернуться в Англию. Когда я спросил ее, почему она не купила где-нибудь собственный дом, она ответила: «Никогда не знаешь, что может случиться. Я не хочу провести всю свою жизнь в изгнании»¹⁶¹.

В течение этого периода дворец неоднократно предпринимал попытки занять какое-то положение в Виндзорах. «И король, и королева недавно говорили со мной о герцоге и герцогине Виндзорских и упомянули чувство горечи, которое они, как известно, испытывают по отношению к их величествам и другим членам королевской семьи», – написал лорд Галифакс сэру Эрику Фиппсу, послу Великобритании в Париже, 3 мая 1938 года. «Они предположили, что было бы неплохо сделать что-то, чтобы избавиться от этого чувства, если бы герцога и герцогиню пригласили поужинать по какому-нибудь подходящему случаю в посольстве»¹⁶².

Но оставалось опасение, что Виндзоры могут опередить нового короля. В июле 1938 года, когда Георг VI и Елизавета посетили Францию с государственным визитом, Виндзоры дипломатически зафрахтовали 200-тонную моторную яхту на шесть недель и отправились в круиз по западному побережью Италии с Германом и Кэтрин Роджерс, хотя Министерство иностранных дел отговорило их от пребывания у друга Уоллиса, архитектора Джорджа Себастьяна, в Тунисе, где была большая община итальянцев.

«Ты помнишь, как я была несчастна, когда ты сообщил мне о своем намерении жениться и отречься от престола, и как я умоляла тебя не делать этого ради нас и ради страны. Ты же, казалось, не собирался придерживаться какой-либо точки зрения, кроме своей собственной, – написала королева Мария своему сыну в июле, добавив: – Мои чувства к тебе как матери остаются прежними, и то, что мы расстались, и причина этого огорчают меня без слов. В конце концов, всю свою жизнь я ставила свою Страну превыше всего остального, и сейчас я просто не могу измениться»¹⁶³.

Но отношения внутри семьи оставались напряженными, чему не способствовала взаимная антипатия между новой королевой Елизаветой, которую Уоллис называла «Куки», и Уоллис, которую Елизавета никогда не называла иначе чем «Эта женщина».

В конце августа Монктон был вызван в Балморал, где присоединился к Невиллу Чемберлену, сменившему Стэнли Болдуина на посту премьер-министра, чтобы обсудить возможный визит герцога в Великобританию в ноябре 1938 года. Чемберлен хотел, чтобы с ним «как можно скорее обращались как с младшим братом короля, который мог бы забрать некоторые королевские функции из рук своего брата», – записал лорд Биркенхед в своей «жизни Монктона», основанной на частных документах. Король «не был принципиально против мнения премьер-министра», но королева была против предоставления ему «какой-либо эффективной сферы деятельности» на том основании, что он представлял угрозу для ее мужа, который был «менее поверхностно одарен искусствами и милостями, которые нравятся»¹⁶⁴.

Дискуссии продолжались всю осень, без каких-либо изменений в отношении королевской семьи и растущих опасений, что герцог может стать объединяющим центром для фашистов Мосли и других организаций¹⁶⁵. «Меня предупредили в самых решительных выраже-

¹⁶¹ 5 August 1938, Nigel Nicolson (ed.), Harold Nicolson. Letters and Diaries 1930–1939.: William Collins, 1966. Pp. 351–352.

¹⁶² FO 800/326, TNA.

¹⁶³ James Pope-Hennessy. Queen Mary.: Allen & Unwin, 1959. P. 575.

¹⁶⁴ Birkenhead, p. 169.

¹⁶⁵ В июне 1938 года «Приспешники чести», основанные отставным адвокатом Робертом Элтоном, безуспешно пытались добиться отмены Закона об отречении, а «Друзья герцога Виндзорского в Америке» начали кампанию, чтобы «прекратить

ниях... что такой визит... вызовет решительный протест и споры», – написал Чемберлен герцогу, сообщая об общественном мнении по поводу визита в Виндзор весной 1938 года. Он получил почти 200 писем, и «из этих писем более 90 процентов, так или иначе, выражают мнения, неблагоприятные для этого предложения».

Это было подтверждено Специальным отчетом. «В кругах, связанных с прессой, открыто заявляется, что герцог Виндзорский поддерживал связь с некоторыми владельцами газет с целью начать рекламную кампанию в этой стране, чтобы создать атмосферу, благоприятную для его возвращения»¹⁶⁶.

Было ясно, что Виндзоров следует держать подальше от Британии.

притеснения против него и вернуть ему законное, полезное место среди народов». Sunday Dispatch, 8 January 1939.

¹⁶⁶ 5 January 1939, MEPO 10/35, TNA.

Глава 7. Обратный отсчет до войны

В октябре 1938 года, когда срок аренды в Шато-де-Ла-Май истек, Виндзоры взяли внаем на десять лет особняк недалеко от Булонского леса и гольф-клуба «Сен-Клу». Дом № 24 Бульвар Суше, в 16-м округе, представлял собой четырехэтажный таунхаус на небольшом угловом участке с видом на мощеную площадь, окруженный высоким железным забором и густыми живыми изгородями. Внушительная парадная дверь вела в украшенный колоннами вестибюль с черно-белым полом из каррарского мрамора и белыми колоннами. В каждом углу зала в зеркальной нише стояла высокая белая кариатида с короной из свечей на голове.

Слева в их апартаменты вел небольшой лифт, а справа изогнутая лестница из белого мрамора с зеленым ковром шла к четырем взаимно проходным приемным, построенным вокруг большой центральной площадки – официальной гостиной, небольшому салону, столовой и банкетному залу.

Здесь было 16 слуг, в том числе: Джеймс Хейл, английский дворецкий, который ранее работал у Шарля Бедо и был известен как «дворецкий с золотым голосом»; французский шеф-повар месье Дио, ранее шеф-повар герцога Альбы; австрийский камердинер Рудольф Копп и шофер Карл Шафранек; лакеи-французы и англичане; две английские горничные; и, специально для Уоллис, английский шофер Тони Вебстер и горничная швейцарского происхождения¹⁶⁷.

Большой проблемой оставалась безопасность, для чего Виндзоров везде сопровождали несколько сотрудников британской и французской полиции, даже когда герцог играл в гольф. Обедала или ужинала пара в ресторанах с друзьями, или же наносила визиты кутюрье, модисткам, ювелирам, антикварным магазинам, – снаружи всегда ждал чиновник, а на страже у входной двери стоял жандарм.

Новый дом стал их проектом, способом продемонстрировать свою любовь друг к другу. «Она неустанно искала подходящую мебель, ковры, материалы, лампы и безделушки. Уоллис близко познакомилась со всеми, большими и маленькими, антикварными лавками в Париже, – вспоминала Дина Худ. – Все, что касалось дома, вызывало у герцогини всепоглощающий интерес. Помимо мебели и безделушек, она собирала фарфор, посуду, серебро и белье»¹⁶⁸. Уоллис не была готова отдать 8000 фунтов стерлингов за одну мейсенскую фигурку или 30 000 фунтов стерлингов за пару канареечных бриллиантов – обычно покупала за наличные, чтобы избежать налогов¹⁶⁹.

Супруги почти ничего не ели в течение дня, герцог предпочитал проводить обеденный перерыв на поле для гольфа, зная, что мало кто из французов отважится выйти на улицу в такое время. Вместо этого, вспоминал Худ, он мог заказать легкий поздний завтрак, который «состоял из тушеных фруктов или открытого фруктового пирога, подаваемого со сливками, в сопровождении диетического печенья и слабого чая. Он очень любил фруктовые пироги, особенно апфельштрудель, который впервые попробовал в Австрии»¹⁷⁰.

Их внимание было сосредоточено на вечерах, они устраивали два званных ужина каждую неделю и большинство других вечеров проводили вне дома. «Никогда в жизни я не работал так усердно, – вспоминал дворецкий Джеймс Хейл, работавший как в Ла-Крое, так и на бульваре Суше. – Герцогиня, как я вскоре обнаружил, оценила виллу не столько как дом, сколько как

¹⁶⁷ На бьюике Уоллис в крошечной рамке в форме ромба на одной из дверей маленькими простыми золотыми буквами инициалы были выгравированы УУС – Уоллис Уорфилд Симпсон.

¹⁶⁸ Hood, Working for the Windsors, p. 41.

¹⁶⁹ Эквивалент 550 тысяч фунтов стерлингов и чуть более 2 миллионов фунтов стерлингов.

¹⁷⁰ Hood, p. 41.

сцену, на которой можно было устраивать бесконечное шоу гостеприимства и развлечений. Она была продюсером, я – режиссером. По прибытии... я обнаружил домашние телефоны не только в кладовой дворцового, не только в моей спальне, но и в моей ванной и туалете. Было ясно, что, когда герцогиня настаивала на мгновенной связи с персоналом в любое время, она действительно имела в виду «в любое время»¹⁷¹.

Они были требовательными и не всегда популярными работодателями. «Можно было рассчитывать на то, что упавшая тарелка, неосторожное вторжение или упущенная внимательность приведут к быстрому безапелляционному увольнению, – вспоминал Чарльз Мерфи, работавший на Виндзоров. – Часы работы были долгими, а похвала – скупой. Сомнительно, чтобы какой-либо домашний персонал во всем Париже работал так же усердно, как тот, который обслуживал Виндзоров»¹⁷².

Каждое утро Уоллис обсуждала меню на день с шеф-поваром. «Она внимательно изучала список блюд, иногда одобряя, иногда изменяя или дополняя его», – вспоминал Худ¹⁷³. Он продолжил:

«Уоллис подробно расспрашивала о каждом пункте расходов. Домашние счета велись со скрупулезной точностью в соответствии с системой кассовых и бухгалтерских книг, в которую мистер Картер посвятил меня в Букингемском дворце. В бухгалтерской книге платежи были сгруппированы по различным рубрикам, которые разделялись с такой мельчайшей детализацией, что можно было внимательно следить за каждым видом выплат»¹⁷⁴.

Поскольку заняться им больше было нечем, дьявол скрывался в мелочах. «Они определили точный оттенок и размер своей личной записной книжки, равно как и гравировку на ней, – позже написал Худ. – То же самое и с карточками меню. Этикетки на багаже были напечатаны в соответствии с инструкциями. Вместе они выбирали дизайн и расцветку своих рождественских открыток»¹⁷⁵.

* * *

В октябре 1938 года Валентин Лоуфорд, молодой дипломат в посольстве в Париже, написал своей матери: «Прошлой ночью со мной произошло довольно знаменательное событие, так как меня пригласили на музыкальный вечер у Элси Мендл, и по прибытии (с десертом) я обнаружил во главе мужской части стола самого герцога Виндзорского». Он продолжал:

«Его высочество был в прекрасном настроении, заставил меня подойти, сел рядом с ним и рассказать ему каждую деталь моей (довольно скучной) жизни... После того, как мы вышли из столовой, он сказал мне сесть рядом с ним на диван в углу одной из комнат, и там мы сидели полчаса, пока он рассуждал о политике и расспрашивал меня о том, что думает молодое поколение. В своих идеях он явно тяготеет к нацизму и, похоже, испытывает ужас перед большевизмом... с ним было довольно приятно разговаривать, и, очевидно, он хотел как лучше, хотя я думаю, что он очень недалекий и предвзятый, несмотря на весь его опыт. Конечно, он хотел знать, что ФО думает о внешней политике Чемберлена (которую он полностью одобряет)... Пожалуйста, не рассказывай никому об этой виндзорской блажи. Люди так много болтают, что до ЕКВ может дойти, что некий 3-й секретарь сказал, что он «нацист» и т. д.»¹⁷⁶

¹⁷¹ Sunday People, 29 April 1973, quoted Martin, p. 361.

¹⁷² Bryan and Murphy, p. 394.

¹⁷³ Hood, p. 105.

¹⁷⁴ Hood, p. 106.

¹⁷⁵ Hood, p. 119.

¹⁷⁶ Lawford to his mother, 17 October 1938, courtesy of Charles Tilbury.

Лоуфорд, которому тогда было под тридцать, стал постоянно вращаться в кругах Виндзоров и Мендлов. 1 февраля 1939 года он описал просмотр фильма, на котором в числе гостей присутствовала жена Сомерсета Моэма Сирия. «Было забавно видеть, как его королевское высочество наблюдает за тем, как его прадедушка и прабабушка резвятся в Балморале, и ему, казалось, это нравилось... После мы вернулись на ужин к Элси, где герцог свободно говорил по-испански и стал довольно веселым...»¹⁷⁷

На следующий вечер он опять ужинал с ними:

«Виндзоры были очень добры, милы и веселы прошлой ночью, и у меня состоялся довольно сердечный разговор с герцогиней. Мы пообедали в «Максимз», где к нам присоединились Александра Меткалф и Сашеверелл Ситвелл... Герцог обнаружил, что оркестр мешает ему говорить – а он много говорит, – поэтому мы покинули «Максимз» и поехали обратно в их дом на бульваре Суше. Кстати, его французский ужасен: он называет это «Бва де Булонь». Дом пока меблирован только наполовину; но, похоже, в конечном итоге выглядеть он будет чрезвычайно приятно: высокие комнаты с высокими окнами и, конечно же, красивая мебель.

Спальня герцога тоже в стиле ампир, темно-красная с золотом; и у него страсть к маленьким шлемам. У стульев есть шлемы по обоим углам спинки; а прикроватные часы заключены в шлем из металла и перламутра... Кровать, на которой были разложены королевская пижама и халат, тоже в стиле ампир, темно-красного цвета... У герцогини есть спальня очень темно-синего и белого... Я не могу избавиться от ощущения, что он, к сожалению, не находит себе места... Но герцогиня сказала, что они не спешат возвращаться в Англию, если там не нужны... В субботу я ужинаю в «Ритце» с [леди] Бертой Майклхэм, почетными гостями у которой будут и Виндзоры. Кажется, я не могу сойти с их орбиты, но я должен признать, что мне искренне нравится быть с ними обоими. Ее высочество удивительно прямолинейна, проста и искренна; находиться в ее присутствии невероятно приятно»¹⁷⁸.

Весной 1939 года шантажист герцога снова дал о себе знать, написав ему из отеля «Ритц»:

«Дэви, дорогой, в прошлом месяце мама дала мне документы, касающиеся моего рождения. Эти документы теперь находятся в безопасности. Они могут быть изготовлены по вашему запросу. Я попрошу адвоката провести собеседование между вами и мной или вашим окружением, если вы не захотите дать мне ответ письмом или по телефону... Александра»¹⁷⁹.

«Я знаю, что Уолтер Монкстон выразил вам соболезнования по поводу смерти женщины по имени Марони, и прилагаю одно из двух писем с просьбой, которые она написала за подписью «Александра» из отеля «Ритц» в Париже», – написал герцог своему адвокату Джорджу Аллену несколько дней спустя. И продолжил:

«Вы, наверное, помните, что она была выслана из Франции около года назад, и это первое уведомление о ее возвращении, которое получили я и французская полиция. Я попросил нашего детектива Аттфильда связаться с месье Перье из Национальной полиции, проинформировав его о присутствии Марони в Париже, и сегодня вечером он сообщил мне, что женщина получит тюремное заключение сроком на один месяц за въезд в страну, будучи объектом приказа о высылке, а затем будет снова депортирована»¹⁸⁰.

В следующем месяце должно было произойти еще одно затруднение, связанное с тем, что герцог вмешивается в политику. «Я вижу в сегодняшнем выпуске новостей, что Дэвид собирается вещать в Америку сегодня вечером» – написала королева Елизавета королеве Марии. – ... Как нехорошо с его стороны выбирать такой момент»¹⁸¹. По приглашению друга Фреда Бейта

¹⁷⁷ Lawford to his mother, 1 February 1939, courtesy of Charles Tilbury.

¹⁷⁸ Lawford to mother, 6 February 1939, courtesy of Charles Tilbury.

¹⁷⁹ 12 April 1939, Monckton Trustees, Box 17, Balliol.

¹⁸⁰ 15 April 1939, Monckton Trustees, Box 17, Folio 64, Balliol.

¹⁸¹ RA QM/PRIV/CC12/93, quoted William Shawcross. Queen Elizabeth, the Queen Mother.: Macmillan, 2009. P. 453.

из NBC герцог согласился выступить с призывом к миру из Вердена, полагая, что только американское вмешательство может предотвратить войну. Попытки друзей, таких как лорд Бивербрук, не давать развития этому шагу были проигнорированы:

«В течение двух с половиной лет я намеренно не вмешивался в общественные дела и все еще собираюсь это делать. Я говорю ни от чьего имени, кроме себя, без предварительного ведома какого-либо правительства.

Я говорю просто как солдат последней войны, чья самая искренняя молитва заключается в том, чтобы такое жестокое и разрушительное безумие никогда больше не охватило человечество»¹⁸².

Это было неудачное время, поскольку король и королева только что отправились в тур доброй воли в Соединенные Штаты, где царили сильные изоляционистские настроения, и Канаду, единству которой угрожало франко-канадское сепаратистское движение.

Би-би-си отказалась транслировать выступление, но оно оказало огромное влияние в Америке, поскольку копия текста была включена в материалы Конгресса, и герцог получил сотни писем поддержки, в частности, от Мари Стоупс, Джона Фостера Даллеса и лорда Альфреда Дугласа. Хотя позиция Эдуарда была слегка подорвана, когда выяснилось, что он обещал ранее на этой неделе с графом Йоханнесом фон Велцекем, послом Германии во Франции и давним другом¹⁸³. По крайней мере, это было воспринято как еще одна попытка превзойти своего младшего брата.

«Какой он дурак и как дурны его советы; и все в ярости, что он устроил это сразу после вашего отъезда, – написал герцог Кентский Георгу VI. – Если бы он упомянул вас, это было бы не так плохо, и я не знаю, почему он выступил с мирной речью именно в Америке, которая и так не намерена ввязываться в войну»¹⁸⁴.

С возрастанием международной напряженности все более вероятным исходом становилась война. Виндзоры отступили в Ла-Крое, где их первым гостем был Филипп Гедалла с ректорами своей книги об отречении, в написании которой помогал герцог. Это должна была быть одна из нескольких книг, в которых герцог пытался контролировать повествование о своей жизни – попытка Роберта Брюса Локхарта в ноябре 1938 года опубликовать книгу или статьи для Бивербрука ни к чему не привела, в то время как против комментария Джеффри Денниса к коронации был подан судебный иск за предположение, что Виндзоры спали вместе до брака¹⁸⁵.

Среди гостей тем летом были Ноэль Кауард, Сомерсет Моэм, лорды Бивербрук и Ротермир, Морис Шевалье и группа из дюжины шотландских волынщиков и танцоров, которых пригласили выступить во главе с герцогом в его полном горном снаряжении.

Эдуард все еще считал, что войну можно предотвратить, и 27 августа он отправил личную телеграмму Гитлеру: «Памятуя о вашей любезности и нашей встрече два года назад, я обращаюсь к вам с совершенно личным, простым, хотя и очень серьезным призывом оказать максимальное влияние на мирное решение нынешних проблем»¹⁸⁶.

Шесть дней спустя Гитлер ответил: «Уверяю вас, что отношение к Англии остается прежним, равно как и сохраняется мое желание избежать новой войны между двумя нашими странами. Однако от Англии зависит, смогут ли отношения между немцами и англичанами найти правильное русло»¹⁸⁷.

¹⁸² New York Times, 9 May 1939.

¹⁸³ Martin, p. 364; Morton, p. 262, ~ 22 June 1939.

¹⁸⁴ RA GVI 342, 6 May 1939, quoted Ziegler, p. 399.

¹⁸⁵ 21 November 1938, Bruce Lockhart, Vol. 1, p. 410. Это было правдой, но герцог все равно выиграл свое дело.

¹⁸⁶ Monckton Trustees, Box 17, Folio 93, Balliol.

¹⁸⁷ Monckton Trustees, Box 17, Folio 93, Balliol.

В течение августа, опасаясь, что их могут похитить, Уолтер Монктон поддерживал связь с сэром Горацием Уилсоном по поводу мер по возвращению пары в Великобританию, которые включали отправку самолета для их возвращения. 2 сентября Ричард Меткалф, который провел лето в Ла-Крое со своей женой и сыном Дэвидом, крестником герцога, договорился с сотрудниками Виндзоров о поездке на поезде в Париж.

В тот же день Монктон отчитался перед Алеком Хардингом и Горацием Уилсоном, поговорив с герцогом по телефону:

«Затем он сказал, что, если его брат не будет готов принять его и жену в одном из своих домов, они не вернутся в Англию... Очень жаль, что сложные договоренности, над которыми мы все так усердно работали, должны были сорваться. Их будет трудно переставить, когда все будут отчаянно заняты подготовкой к войне. В моем случае я уже распрощался с возможностью увидеть сына до его отъезда»¹⁸⁸.

На следующий день была объявлена война. Реакция герцога, узнавшего эту новость по звонку из британского посольства в Париже, заключалась в том, что он сказал своей жене: «Великобритания только что объявила войну Германии. Я боюсь, что в конце концов это может открыть путь к мировому коммунизму»¹⁸⁹. Затем он вернулся к бассейну и нырнул в него.

¹⁸⁸ Monckton Trustees, Box 17, Folios 116–117, Balliol.

¹⁸⁹ Heart, p. 330.

Глава 8. Фальшивая война

Фрути был в ярости, обнаружив, что предложение о самолете в Великобританию было отозвано после того, как герцог настоял на том, что вернется только в случае, если пару пригласят погостить в Виндзорском замке, Эдуарду дадут какую-то работу в военное время, а Уоллис присвоит статус, на который, по мнению бывшего короля, имела право его жена.

«Я 20 минут сидел неподвижно и слушал, а потом начал...» – написал Меткалф жене. И добавил:

«Вы только что вели себя как два избалованных ребенка. Вы думаете только о себе. Вы не понимаете, что в этот момент идет война, что женщин и детей бомбят и убивают, пока вы говорите о своей ГОРДОСТИ. Боже, меня от этого тошнит. Вы забываете обо всем, думая только о себе, своей собственности, своих деньгах и своей глупой гордости... Вы просто сумасшедшие!.. Теперь, если за вами отправят этот самолет, в чем я очень сомневаюсь, просто садитесь в него с большой благодарностью...»

Каждые полчаса звучит: «Я не полечу самолетом! Мы поедем в Париж», – или в Булонь, и так далее. Я указываю на невозможность этого сделать – дороги перекрыты войсками, нет гостиниц и т. д. и т. п. Сегодня поговаривают об отправке эсминца¹⁹⁰.

Вместо этого прибыл Монктон с самолетом, но план спасения был отклонен, потому что Уоллис боялась летать, а для их багажа не хватало места. Как сказал герцог мистеру Маку в британском посольстве в Париже, «нельзя было ожидать, что они прибудут в Англию на войну только с оружием в руках»¹⁹¹. Монктон вернулся один. Герцог рассказал об этом Черчиллю, который только что был назначен первым лордом Адмиралтейства:

«Герцогине и моему возвращению в Англию было бы значительно легче, если бы вы отправили эсинец или другое военно-морское судно в любой порт Французского канала в понедельник или вторник. Это позволило бы нам взять с собой всю нашу группу из пяти человек и небольшое количество багажа за одно путешествие»¹⁹².

Два дня спустя, 8 сентября, группа отправилась в колонне из трех автомобилей в порты Ла-Манша, где 12 сентября они были встречены в Шербуре лордом Луи Маунтбеттеном в его первом командовании, на борту эсминца его величества «Келли». Пересекая Ла-Манш зигзагами, чтобы избежать вражеских подводных лодок, они высадились позже в тот же день на том же причале, с которого герцог уплыл почти три года назад.

Ни один член семьи не мог отправиться встретить их, не было ни приветственных писем, ни предложения машины или офиса. Вместо этого и только после вмешательства Черчилля их встретил оркестр Королевской морской пехоты и командир Портсмута, адмирал сэр Уильям Джеймс, который разместил пару на ночь в Адмиралтейском доме. На следующий день Александра отвезла их в дом Меткалфов в Эшдаунском лесу, который должен был стать их резиденцией в Великобритании вместе с лондонским домом Меткалфов.

14 сентября герцог встретился с королем – их первая встреча после отречения. Она не увенчалась успехом. «Казалось, он думал только о себе и совершенно забыл, что сделал со своей страной в 1936 году», – написал Георг VI в своем дневнике той ночью¹⁹³. Два дня спустя он отметил в своем дневнике, что командиры «не должны говорить с Г. или показывать ему что-либо действительно секретное»¹⁹⁴.

¹⁹⁰ Fruity Metcalfe to Baba Metcalfe, 3 September 1939 года, quoted Donaldson, p. 346, and de Courcy, p. 302.

¹⁹¹ John Mack to Walter Monckton, Monckton Trustees, Box 17, Folios 122–123, Balliol.

¹⁹² 6 September 1939, Duke of Windsor to Winston Churchill, CHAR 19/2A/14–15, Churchill College.

¹⁹³ 14 September 1939, RA GVI/PRIV/DIARY.

¹⁹⁴ George VI's War Diary, 16 September 1939, quoted Deborah Cadbury. *Princes at War: The British Royal Family's Private*

Лорд Кроуфорд был настроен еще более критично:

«Герцог и герцогиня Виндзорские вернулись в Англию – объявлено, что он собирается занять государственную должность; но бродячего фельдмаршала нелегко разместить, как и лишнего адмирала флота, и он не может выполнять работу, порученную его младшим братьям Кенту и неваляшке Глостеру. Он слишком безответственный болтун, чтобы доверять ему конфиденциальную информацию, которая будет передана Уолли за обеденным столом. Вот в чем заключается опасность: после почти трех лет полной неизвестности соблазн показать, что он знает, что снова находится в центре информации, окажется непреодолимым, и герцог начнет без умолку выбалтывать наши государственные секреты, не осознавая опасности.

Я обедал с Хоу в клубе. Он работает в Адмиралтействе и, к своему ужасу, увидел, как открылась дверь Секретной комнаты – подвальной квартиры, где по часам обозначено положение нашего флота и противника – и вот! Оттуда вышли Черчилль и герцог Виндзорский. Хоу... пришел в ужас»¹⁹⁵.

Встал вопрос, что делать с герцогом дальше. Первоначально ему предложили на выбор должности – заместителя комиссара по гражданской обороне Уэльса или по связям с британской военной миссией во Франции – и он выбрал первое. Но когда на следующий день Эдуард встретился с государственным секретарем по военным вопросам Лесли Хор-Белиш, ему сказали, что король наложил вето на назначение, потому что он не хотел, чтобы бывший король был в Великобритании.

Вместо этого герцог был вынужден согласиться на роль посредника с французами, отказавшись от своего звания фельдмаршала и вернувшись к почетному званию генерал-майора, чтобы он мог отчитываться перед другим генерал-майором сэром Ричардом Говардом-Вайсом.

«Я вижу бесконечные проблемы с работой во Франции, так как я не думаю, что он сочтет это достаточно масштабным делом, и я сомневаюсь, что он справится с «Вомбатом» (Говард-Вайз, прозванный так из-за его больших ушей и службы в Австралии)», – отметила Александра Меткалф в своем дневнике. И продолжила:

«Я действительно думаю, что семья могла что-то сделать. Уоллис сказала, что они поняли, что в этой стране ему никогда не будет места, и она не видела причин возвращаться. Я не отрицала этого и не давила на него. Они неспособны по-настоящему доверять кому бы то ни было, поэтому человек чувствует, что его лояльность неуместна. Их эгоизм и сосредоточенность на себе ужасают. Мне трудно выразить словами причину того, что у герцога так мало друзей. Этот человек постоянно испытывает разочарование»¹⁹⁶.

Взгляды королевской семьи были ясны. «Я не слышала ни слова о миссис Симпсон – я надеюсь, что она скоро вернется во Францию и ОСТАНЕТСЯ ТАМ, – написала королева. – Я уверена, что она ненавидит эту дорогую страну, и поэтому ей не следует находиться здесь в военное время»¹⁹⁷.

29 сентября пара вернулась во Францию, герцог – в британскую военную миссию близ Венсена вместе с Джоном, который выполнял обязанности неоплачиваемого адъютанта, а Уоллис – в Версаль. То, что должно было стать синекурой с намерением дать герцогу возможность чем-то заняться от греха подальше, открывало новые возможности для британцев. До сих пор они не видели французских линий и оборонительных сооружений, чтобы оценить их сильные и слабые стороны. Теперь у них появился такой шанс.

Battle in the Second World War.: Bloomsbury, 2015. P. 106.

¹⁹⁵ Vincent, p. 604.

¹⁹⁶ 25 September 1939, quoted Donaldson, p. 349.

¹⁹⁷ KA QM/PRIV/CC12/113, quoted Shawcross, p. 494.

* * *

Виндзоры возобновили контакт с Шарлем Бедо в начале войны и регулярно встречались в первые месяцы Фальшивой войны¹⁹⁸, когда Бедо ездил между своими офисами в Гааге и Париже. У одной из компаний Бедо теперь был контракт с Министерством вооружений Франции, отвечающим за инспекцию и контроль производства вооружений.

«Вчера вечером я приготовил ужин в отдельной комнате здесь (в Ритце) для Шарля Б., чтобы встретиться с ними, – написал Фрути жене 4 октября. – Ему, Шарлю, было что сказать. Он знает слишком много – о каждой стране Европы, а также о наших колониях. Это ужасно, и он во многом прав. Сегодня утром он уехал на рассвете в неизвестном направлении. Он намекнул на то, что Берлин – одно из таких мест...»¹⁹⁹

Уже были опасения по поводу того, что герцог обеспечивает утечку информации в системе безопасности. 16 сентября Георг VI отметил в своем дневнике озабоченность начальника имперского генерального штаба Эдмунда Айронсайда тем, что герцог видит секретные планы французов, что Уоллис также знает о них, и ей нельзя доверять²⁰⁰.

2-й лорд Айронсайд в 1987 году рассказал автору Чарльзу Хайму:

«Мой отец решил, что герцог был серьезной утечкой информации в системе безопасности. Он давал герцогине много засекреченной информации касательно обороны Франции и Бельгии. Она, в свою очередь, передавала эту информацию чрезвычайно опасным людям, связанным с врагом, за обеденными столами в Париже. В результате информация попадала в руки немцев»²⁰¹.

Историк Герхард Вайнберг утверждал, что «похоже, в ближайшем окружении герцога был немецкий агент, с ведома Эдуарда или без него, и в течение первых месяцев войны важная информация из-за болтовни с агентом попадала к немцам»²⁰².

Мартин Аллен утверждает, что несколько сотрудников Бедо теперь работали на Виндзоров и, возможно, отчитывались перед Бедо, написав: «Действительно, известно, что у одной из горничных герцогини было немецкое кодовое имя «Мисс Фокс». Летом 1940 года она отправится обратно в оккупированный Париж и отчитается перед Отто Абецем, давним другом Бедо, гауляйтером Парижа и бывшим парижским представителем генерального штаба Риббентропа»²⁰³.

6 октября герцог отправился в первую из своих поездок к французским оборонительным силам в двухдневный визит во французскую Первую армию на правом фланге Британских экспедиционных сил, стоящих перед Бельгией, и французскую Девятую армию на ее правом фланге между Фурми и Шарлевилем, прикрывающем последний участок бельгийской границы до Арденн. Его сопровождал капитан Джон де Салис, 8-й граф де Салис, который в последнюю минуту заменил переводчика Эдуарда и помог составить отчет. Салис знал Уоллис с тех вре-

¹⁹⁸ Фальшивая война – период Второй мировой войны с 3 сентября 1939 по 10 мая 1940 года на Западном фронте. Таким образом был подчеркнут характер боевых действий между враждующими сторонами – почти полное их отсутствие, за исключением боевых действий на море.

¹⁹⁹ 4 October 1939, Donaldson, p. 353.

²⁰⁰ Ziegler, p. 403. Георг VI добавил, что Говард-Вайз «не должен рассказывать Ди или показывать ему ничего действительно секретного», Cadbury, p. 106.

²⁰¹ Higham, revised edition, p. 305.

²⁰² Gerhard Weinberg, *A World at Arms*: Cambridge University Press, 2005. Pp. 143–144. «Соответствующие документы либо все еще закрыты, либо были уничтожены, но, пожалуйста, посмотрите документы из немецких архивов, опубликованные и цитируемые в моей книге *A World at Arms* на с. 144, № 82. Второй из упомянутых документов содержит информацию, которая была бы совершенно секретной в то время». Weinberg email to the author, 20 July 2020.

²⁰³ Martin Allen. *Hidden Agenda*: Macmillan, 2000. P. 124. Предположительно это Жанна-Маргарита Мулишон, но это кажется маловероятным.

мен, когда был прикреплен к посольству в Вашингтоне в 1920-х годах, но именно его опыт работы в разведке – позже он служил в МИ-6 – стал причиной назначения. Его роль состояла в том, чтобы присматривать за герцогом и докладывать о нем.

«Мы вернулись очень поздно вечером в воскресенье. Мы преодолели около 800 миль. Ее высочество была восхитительным собеседником. Никто не мог бы быть более интересным или забавным в этом качестве, – писал Фрути жене 9 октября. – Единственные несколько минут, которые я ненавидел: когда мне нужно было получить счета за гостиницу и оплатить их, в это время герцог был ужасен»²⁰⁴.

В конце октября Эдуард совершил поездку по французской Четвертой и Пятой армиям в Вогезах, преодолев около 900 миль за три дня. Фрути по-прежнему был сбит с толку тем, что по возвращении к Уоллис, нежное товарищество сменилось холодностью. «Я верю, что так будет всегда, пока она жива, это она делает его таким»²⁰⁵. Герцог подготовил четыре доклада об обороне Франции, указав на их слабые места, низкий моральный дух и дисциплину во французской армии и поставив под сомнение надежность и эффективность линии Мажино, но они были в значительной степени проигнорированы в Лондоне – с разрушительными последствиями в мае 1940 года²⁰⁶.

Герцогу было трудно смириться со своим изменившимся званием и статусом, и он был взбешен «случайным обнаружением приказа, изданного королем за моей спиной, который, по сути, налагает запрет на мой въезд в районы, занятые британскими войсками во Франции»²⁰⁷.

«С нами снова герцог Виндзорский, – писал Генри Пауналл, начальник штаба лорда Горта, командующего британскими экспедиционными силами, в своем дневнике. – Вел себя здесь очаровательно, но плохо впоследствии, когда принял приветствие всех вышедших охранников. Там был и главнокомандующий в звании генерала, и мастер В. определенно не должен был вмешиваться в это. Он здесь как солдат, а не как член королевской семьи. Главнокомандующий очень раздражен этим и возвращает его в надлежащий квартал. Если мастер В. думает, что сможет организовать возвращение, он сильно ошибается»²⁰⁸.

13 ноября герцог написал Монктому, что хочет вернуться в Лондон, потому что «недавнее разоблачение сети интриг против меня делает мое положение здесь одновременно невозможным и невыносимым, пока я не смогу прояснить этот вопрос с моим братом»²⁰⁹.

Черчилль ответил в тот же день: «Я не вижу возражений против того, чтобы он прилетел обычным рейсом, если на то согласится король. Беседа с его величеством пойдет на пользу, если поможет в восстановлении отношений»²¹⁰. Но король отказался обсуждать ситуацию в отсутствие лорда Горта и генерал-майора Говард-Вайса.

Виндзор становился все более параноидальным. «Я отправляю это через офицера, вылетающего сегодня, и синяя бумажная квитанция – всего лишь мера предосторожности против того, что, как я подозреваю, становится обычной практикой в официальных военных кругах!» – написал он Монктому 14 ноября. К письму был приложен синий листок бумаги, на котором красным шрифтом было напечатано: «Тому, кто вскроет это письмо, я надеюсь, что содержание этого письма так же вдохновит вас, как и меня, из-за необходимости их писать»²¹¹.

Дело в том, что герцог находился в трудном положении. Если он слишком хорошо выполнял свою работу, его обвиняли в том, что он превзошел своего брата, а если нет, то он подвел

²⁰⁴ Fruity Metcalfe to Baba Metcalfe, 11 October 1939, quoted Donaldson, p. 354, и de Courcy, p. 312.

²⁰⁵ Fruity Metcalfe to Baba Metcalfe, 30 October 1939, quoted de Courcy, p. 317.

²⁰⁶ Их можно увидеть WO 106/1678, TNA.

²⁰⁷ Duke of Windsor to Winston Churchill, 14 November 1939, CHAR 19/2A/89–90, Churchill College.

²⁰⁸ Pownall diary, 8 October 1939, Liddell Hart Centre.

²⁰⁹ Monckton Trustees, Box 17, Folio 179, Balliol.

²¹⁰ Monckton Trustees, Box 17, Folio 189, Balliol.

²¹¹ 14 November 1939, Monckton Trustees, Box 17, Balliol.

монархию. Но его визиты не всегда были желанными. Безукоризненно одетый в бриджи для верховой езды и начищенные сапоги, он настаивал на том, чтобы пользоваться собственными автомобилями и водителями, часто с большим количеством багажа. Это отвлекало военных, которых все больше беспокоила его болтовня.

Он также был обескуражен тем, насколько полезным был его вклад в военные усилия, поскольку его отправляли в длительные поездки в малоизвестные зоны французской армии, часто в сырых и морозных условиях. «Вначале он ежедневно приходил в свой офис в 11 утра, просматривал карту обстановки, полчаса болтал с Говардом-Вайсом, а затем отключался на вторую половину дня, – отметил автор Чарльз Мерфи. – Но в настоящее время он заглядывал только три раза в неделю, затем дважды, а затем почти никогда, за исключением случайных обедов с Гамеленом»²¹².

9 декабря герцог написал Монкстону: «Естественно, моя увлеченность работой ослабла, и я действительно продолжаю только потому, что это то, что больше всего подходит герцогине и мне»²¹³.

Аналогичная ситуация была и с Уоллис. Она управляла столовой в ночном клубе «Бал Табарин» на Монмартре, а после того, как британские благотворительные организации не заинтересовались ее услугами, стала почетным президентом французской благотворительной организации «Колизей де Трианон», основанной Элси, леди Мендл, которая раздавала носки, перчатки, шарфы, туалетные принадлежности и сигареты французским войскам. Предположительно она «создала новый тип траншейной рукавицы с застежкой-молнией, позволяющей солдату использовать палец на спусковом крючке в чрезвычайной ситуации»²¹⁴. Она также присоединилась к Санитарной секции французского Красного Креста, доставляя плазму, бинты и сигареты на фронт на машине, за рулем которой была графиня де Ганей, по прозвищу Пинки, известная до войны французская гонимая.

Оба Виндзора быстро пали духом, почувствовав, что их усилия не были признаны. К весне 1940 года герцога часто можно было встретить на поле для гольфа в Сен-Клу, Сен-Жермене или Мортелефонтене, они вдвоем проводили долгие выходные в Ла-Крое или Биаррице и продолжали часто обедать вне дома – с Бедо. Их мысли были только о себе, и, что особенно раздражало французов, герцог начал дергать за ниточки как во французской, так и в британской армиях, по ее наущению, чтобы их шеф-повар демобилизовался и вернулся на кухню.

* * *

Утром 10 января 1940 года бельгийские солдаты, дежурившие на посту охраны близ Мехелен-сюр-Мез, увидели аварийную посадку самолета ME108 «Тайфун», предположительно совершавшего обычный рейс из Мюнстера в Бонн. Когда солдаты бросились к месту крушения, они столкнулись с двумя офицерами люфтваффе, отчаянно пытавшимися сжечь бумаги. Документы представляли собой полный набор немецких планов нападения. Союзники не могли поверить в свою удачу. Шестьдесят немецких дивизий были выведены из строя в ожидании донесений разведки, узнав, что союзникам теперь известны немецкие планы нападения.

18 января герцог тайно вылетел в Лондон, якобы для того, чтобы повидаться с Черчиллем и Эдмундом Айронсайдом в надежде снять запрет на посещение им британских войск. Но у него была другая цель – попытаться убедить правительство вступить в переговоры с нацистами, чтобы быстро положить конец войне.

²¹² Bryan and Murphy, p. 415.

²¹³ Duke of Windsor to Walter Monckton, 9 December 1939, Monckton Trustees, Box 17, Folio 212, Balliol.

²¹⁴ Martin, p. 370.

Среди тех, с кем он встречался, был генерал-майор Дж. К. Ф. Фуллер, офицер армии в отставке, который служил активным членом Британского союза фашистов – Фуллер был главным гостем на параде в честь 50-летия Гитлера в апреле 1939 года²¹⁵. Он также видел лорда Бивербрука, который понял, что «идея герцога о себе как о лидере международного «Движения за мир» и лидере-сопернике своего брата никогда не покидала его разум». Монктон, в доме которого встретились двое мужчин, был встревожен тем, что он услышал, и, как он сказал Чарльзу Пику, «оба мужчины согласились с тем, что война должна быть закончена мирным предложением Германии»²¹⁶.

Пик сообщил о встрече герцога с Бивербруком дипломату Оливеру Харви 26 января:

«Монктон говорит мне, что он присутствовал на ужасном собеседовании между директором Монктона и Бобром два дня назад. Оба пришли к согласию в том, что война должна быть немедленно прекращена мирным предложением Германии. Бобр предположил, что герцог должен снять форму, вернуться домой и, заручившись мощной поддержкой города, поставить страну в тупик, и в этом случае он предсказал, что герцог добьется огромного успеха. Монктон ограничился напоминанием герцогу, что если он сделает это, то будет облагаться подоходным налогом в Великобритании. Это заставило маленького человечка побледнеть, и он с большой решимостью заявил, что все это было отменено»²¹⁷.

Еще одно свидетельство бесед герцога с Бивербруком содержится в дневнике Гарольда Николсона:

«Похоже, когда герцог Виндзорский нанес здесь свой визит после начала войны, он обедал с Уолтером Монктоном, и Бивербрук был там. Он говорил о неизбежном крахе Франции и сказал, что вернется в Англию и возглавит движение за мир с Германией. Бивербрук был в восторге. «Продолжайте, сэр, – «просиял он, – и я поддержу вас». Когда Бивербрук ушел, Уолтер объяснил герцогу, что он говорил о государственной измене и что, если он действительно переедет жить в эту страну, ему придется платить подоходный налог. Последняя мысль наполнила его таким ужасающим унынием, что он отказался от всякой идеи спасти Англию путем переговоров с Германией»²¹⁸.

К 27 января Невилл Чемберлен был осведомлен об обсуждениях, написав своей сестре Иде: «Я слышал из достоверных источников, что, когда герцог Виндзорский был здесь на этой неделе, Бивербрук пытался убедить его возглавить мирную кампанию в стране, обещая ему полную поддержку его документов»²¹⁹.

Днем ранее Алек Кадоган, постоянный заместитель министра иностранных дел, сообщил, что «секретные документы были переданы... правительству Германии! Я никому не могу доверять»²²⁰. Объяснение вскоре стало ясным, когда было перехвачено сообщение между послом Германии в Гааге графом Юлиусом фон Зех-Буркерсродом и государственным секретарем бароном Эрнстом фон Вайцзеккером от 27 января 1940 года:

«Благодаря личным отношениям у меня могла бы быть возможность установить определенные связи, ведущие к герцогу Виндзорскому. Как вы, конечно, знаете, Э. является членом британской военной миссии при командовании французской армии. Однако он не чувствует себя полностью удовлетворенным этой должностью и ищет сферу деятельности, в которой у него не было бы просто представительского характера и которая позволила бы ему играть более активную роль... Он высказался в особенно нелестных выражениях о Чемберлене, которого

²¹⁵ Major General John Fuller date book, 18 January 1940, Fuller 4/4/35, Liddell Hart Centre.

²¹⁶ Ziegler, p. 415.

²¹⁷ BL Ad Ms 56402, British Library, quoted Sarah Bradford. King George VI.: Weidenfeld & Nicolson, 1989. P. 433.

²¹⁸ 1 October 1940, unpublished Nicolson diary, Balliol, by permission of Juliet Nicolson.

²¹⁹ Neville Chamberlain to Ida Chamberlain, 27 January 1940, Chamberlain papers 18/1/1140, University of Birmingham.

²²⁰ Cadogan Papers, diary, 25 October 1945, ACAD/1/15, Churchill College.

он особенно не любит... У меня были особенно хорошие связи с министром иностранных дел рейха (Риббентропом) в Лондоне... Я объяснил ему через посредника, почему для Англии совершенно утопично осуществить смену режима в Германии, и заявления моих посредников, как полагают, произвели на него определенное впечатление»²²¹.

Три недели спустя, 19 февраля, Зех-Буркерсрод снова доложил Вайцеккеру:

«Герцог Виндзорский, о котором я писал вам в своем письме от 27-го числа прошлого месяца, сказал, что Военный совет союзников на своем последнем заседании посвятил исчерпывающее обсуждение ситуации, которая возникнет, если Германия вторгнется в Бельгию. С военной точки зрения считалось, что наилучшим планом было бы предпринять основные усилия по сопротивлению на линии за бельгийско-французской границей, даже с риском того, что Бельгия будет оккупирована нами»²²².

Отчет интересен, поскольку планы союзников по обороне Бельгии были не такими, как якобы сообщал герцог, и обсуждение изменения стратегии проходило в Военном кабинете, пока герцог находился в Лондоне, а не в Военном совете союзников. Возможно ли, что шпион в посольстве Германии в Гааге Вольфганг цу Путлиц докладывал британцам о герцоге, что Черчилль обсуждал этот вопрос с герцогом в январе и намеренно распространял дезинформацию, чтобы проверить его лояльность?

21 февраля майор Лэнгфорд, сотрудник МИ-6 в Гааге, отправил в Лондон сообщение о том, что «очень умный шпион» в посольстве Германии по имени Вальбах сообщил ему, что друг и советник герцога Шарль Бедо посещает Зех-Буркерсрода «почти раз в две недели». Утверждалось, что Бедо привез «материалы для защиты, сильные и слабые стороны и так далее» «наилучшего качества»²²³. Бедо уже был на радаре МИ-5 и обсуждался с французской разведкой²²⁴. Теперь источник утечки был ясен.

* * *

На рассвете в пятницу, 10 мая, немцы вторглись во Францию и Нидерланды, нацелившись на Арденны, которые, как показали отчеты Эдуарда, были уязвимы. Винзоры ждали, чтобы посмотреть, что может произойти. 14 мая немцы прорвали французскую оборону близ Седана, и к 16-му танковые дивизии достигли Уазы. В тот же день герцог распорядился, чтобы Уоллис уехала и ждала его в отеле Du Palais в Биаррице.

По словам Мартина Кинны, Эдуард якобы провел несколько дней после вторжения, «разрывая секретные документы и сжигая их в подвале офиса посольства герцога». Его дядя Патрик, известный как Питер, был отправлен к нему в сентябре 1939 года, номинально в качестве клерка герцога, «чтобы убедиться, что герцог никогда не брал ни одного листка бумаги домой, где он мог попасть в руки герцогини»²²⁵. Причина, как сказали Кинне, заключалась в том, что герцогиня была близка к Риббентропу и ей нельзя доверять²²⁶.

В те дни в середине мая царил хаос. «Как вы теперь знаете, 9-я армия не смогла «взять это». Генерал и весь его штаб теперь либо расстреляны, либо взяты в плен», – написал Меткалф жене 24 мая. И добавил:

²²¹ Documents German Foreign Policy (hereafter DGFP), Doc. 580, Ref. 122667, Series D, Vol. VIII, p. 713.

²²² DGFP, Doc. 621, Ref. 12269.

²²³ DGFP, Doc. 582, Ref. 122669, Series D, Vol. III. Extended source notes for Black-shirt, p. 487/3, University of Sheffield.

²²⁴ См., например, Guy Liddell's diary, 14 February 1940, Nigel West. The Guy Liddell Diaries. Vol 1: 1939–1942.: Routledge, 2005. P. 66, где он жалуется на утечку информации, переданной им Deuxieme Bureau о Бедо.

²²⁵ Obituary Patrick Kinna, Independent, 23 October 2011.

²²⁶ Interview Martin Kinna, 2 May 2021.

«Это было ужасное потрясение и неожиданность. Я боюсь, что грядут более серьезные события. Его высочество вернулся два дня назад. Я очень беспокоюсь за него. Он мог сделать что угодно – все что угодно, кроме правильного поступка. Я живу от часа к часу, боясь услышать худшее. Он говорит о том, что сделал достаточно! Конечно, не повторяйте ничего из этого... Я не знаю, что произойдет. Э. подобен магниту. Это ужасно. Я многое видел и слышал. Я пока не могу решить, что мы с Томасом будем делать, если ситуация станет намного хуже (я имею в виду чью-то жизнь, а также если его высочество примет свое роковое решение)»²²⁷.

Днем ранее Гитлер остановил три отдельных танковых корпуса у Северного канала, тем самым позволив британским экспедиционным силам уйти. Вопрос в том, почему? Конечно, нужно было догнать хвост снабжения и поддерживать танки, но немцы могли продержаться еще несколько дней. Высказывалось предположение, что Геринг хотел, чтобы победа досталась люфтваффе, а не танкам, но есть и другая возможность – Гитлер надеялся добиться мира, используя Виндзора в качестве человека Петена, чтобы позволить ему сосредоточиться на своем плане *Lebensraum* («жизненного пространства») в Восточной Европе²²⁸.

Уже в Кабинете министров 26 мая министр иностранных дел лорд Галифакс предложил заключить мир путем переговоров, чтобы спасти империю. Только когда стало ясно, что БЭФ можно эвакуировать, а Британия будет сражаться в одиночку, от этой идеи отказались.

Вечером 27 мая Меткалф, как обычно, сказал: «Спокойной ночи, сэр. Увидимся завтра». На следующее утро он позвонил герцогу в 8:30 утра, и ему сказали: «Его королевское высочество отбыл в Биарриц сегодня, в шесть тридцать утра»²²⁹. Он месяцами работал без оплаты, жертвуя своими собственными потребностями ради нужд Виндзоров, и был брошен, чтобы найти свой собственный путь домой, тем, кого он называл своим лучшим другом.

«Теперь это мой покойный хозяин, он убежал, как два зайца», – написал он жене. И добавил:

«Он ни разу не упомянул о том, что должно было случиться со мной или с его контроллером Филлипсом. Герцог забрал все машины и не оставил даже велосипеда!! Эдуард лишил дом Суше всех ценных предметов, всей своей одежды и т. д. После 20 лет, с которыми я покончил, я совершенно презираю его. Я боролся и поддерживал его (зная, какой свиньей он был в течение 20 лет), но теперь все кончено... Этот человек не стоит того, чтобы ради него что-то делать. Он уволился с работы в 1936 году. Что ж, сейчас он покинул свою страну, в то время, когда каждый служащий и калека пытается сделать все, что в его силах. Это конец»²³⁰.

В отчете, который Говард-Вайс подал «о работе различных офицеров... под моим командованием», не упоминается герцог. Его единственным комментарием было: «Я бы хотел, чтобы меня больше никогда не спрашивали об этом человеке!»²³¹

²²⁷ De Courcy, p. 327.

²²⁸ Генеральный план Гитлера состоял в том, чтобы захватить большие территории Западной России и заселить их немецкими фермерами и ветеранами войны, депортировав большую часть русских в Сибирь, а остальных используя в качестве рабов.

²²⁹ De Courcy, p. 327, and Donaldson, p. 357.

²³⁰ 27 May 1940, Ziegler, p. 417, and de Courcy, p. 328. В конце концов Филлипс добрался до юга Франции на военных грузовиках и 5 июня 1940 года до Лондона.

²³¹ Bryan and Murphy, p. 420.

Глава 9. Побег

Герцог вернулся в Ла-Крое, и именно оттуда 19 июня, в 44-й день рождения Уоллис, колонна из трех автомобилей, организованная британским представительством в Ницце, отправилась в невоюющую Испанию. Виндзоры отказались уехать на грузовом судне, потому что им разрешили бы только два чемодана, поэтому вместо этого за их бьюиком последовал небольшой грузовик с различными вещами, которым управлял верный Лэдброк, а также Грей Филлипс и кернтерьеры. В группе также присутствовали их соседи, Джордж и Роза Вуд, в их «Ситроене».

Джордж Вуд – интригующая фигура. Родившийся в 1887 году, он служил в Разведывательном корпусе во время Первой мировой войны, прежде чем стать королевским посланником и отправиться в Кению. Женатый на венгерской графине, он был в Австрии одновременно с герцогом в 1936 и 1937 годах, а затем летом 1940 года оказался на юге Франции, где у него была вилла.

Писатель Чарльз Хайэм говорит, что его «считали секретным агентом»²³². Вуд, как полагали, не оказывал плохое влияние на герцога. Черчилль писал:

«Я читал в газетах, что некий капитан Джордж Вуд и его жена присоединились к партии герцога Виндзорского. Неприятная работа, если он тот человек, о котором я думаю: много лет жил в Вене, женат на венгерке, дочь вышла замуж за Хоэнберга в прошлом году, изображает из себя первоклассного охотника на крупную дичь, например, «белого охотника»... Я должен подозревать его в том, что он придерживается совершенно пораженческих взглядов и оказывает плохое влияние»²³³.

К 23 июня, 46-летию герцога, процессия достигла Мадрида, откуда на следующий день лодка должна была доставить их в Лиссабон. Британский посол Сэм Хоар знал герцога со времен Первой мировой войны и часто охотился в Сандрингеме. Как он позже писал, герцог был полон решимости, чтобы пара быстро двигалась дальше и «предотвращала любые компрометирующие инциденты, пока он был в Мадриде»²³⁴.

Хоар сам только что прибыл в Испанию, и Виндзоры не были размещены в резиденции посла, потому что «она была плохо оборудована и не имела удобств для высокопоставленных гостей»²³⁵. Вместо этого они остановились в отеле «Ритц», который, по признанию Хоара, был «одним из самых активных центров немецкой секретной службы, где каждое произнесенное слово могло автоматически записываться нацистскими постами прослушивания»²³⁶.

Мадрид был самой большой концентрацией немецких разведывательных служб за пределами Берлина, а Испания фактически была немецким протекторатом – генерал Франсиско Франко был обязан своей победой в гражданской войне поддержке Германии. Около 70–100 сотрудников разведки были прикреплены к посольству Германии, отправляя, как позже писал Хоар, «бесполезные донесения в Берлин. И что хуже всего, Гитлер верил тому, что они ему присылали, а не тщательным отчетам абвера, которые не всегда соответствовали желаниям фюрера»²³⁷.

В день прибытия Виндзоров посол Германии Эберхард фон Шторер направил Риббентропу «строго конфиденциальную» телеграмму, в которой сообщил о приезде пары и о том,

²³² Higham, Mrs Simpson, p. 324.

²³³ Minute to John Martin, June 1940, FO 800/326/191A, TNA.

²³⁴ A Deep-laid plot, p. 10, XXIII/1–2, Templewood Papers, Cambridge University Library.

²³⁵ A Deep-laid plot, p. 10. Хоар прибыл на почту всего несколькими неделями ранее.

²³⁶ A Deep-laid plot, p. 10.

²³⁷ A Deep-laid plot, pp. 7–8.

что «исходя из определенных впечатлений, полученных генералом Вигонем в Германии, мы, возможно, были бы заинтересованы в том, чтобы задержать герцога Виндзора здесь и в конечном итоге установить с ним контакт. Пожалуйста, телеграфируйте инструкции»²³⁸.

Вигон, глава Высшего совета обороны испанской армии, встретился с Риббентропом 16 июня. В тот же день герцог встретился с Хью Доддсом, британским консулом в Ницце, и спросил, что ему делать. Эдуарду сказали, что он должен бежать через Испанию²³⁹. Как немцы так быстро узнали об испанском плане, когда было множество других вариантов, включая отправление на корабле из Канн или Бордо? Хотя якобы это был совет Доддса, могли ли немцы приложить руку к тому, чтобы направить Виндзоров в Испанию?²⁴⁰

Теперь произошло осложнение. Герцог Кентский должен был прибыть в Лиссабон на следующий день в качестве главы британской делегации на недельные торжества по случаю празднования 300-летия независимости Португалии. Встреча двух братьев показалась недипломатичной, поэтому Виндзоры должны были находиться в режиме ожидания в Мадриде до 2 июля. Семейная ссора предоставила возможность немцам – а также герцогу.

После оскорбления в сентябре 1939 года герцог хотел получить гарантии того, что по возвращении ему будет предоставлена надлежащая работа, что Гражданский список будет использован для компенсации любых дополнительных налогов, которые ему, возможно, придется заплатить, поскольку он потеряет свой статус налогового изгнанника, и что к его жене будут относиться с уважением, на которое, по его мнению, она имеет право. По словам Уоллис, «все, о чем он когда-либо конкретно просил, было довольно просто: чтобы меня приняли, хотя бы один раз, король, его брат и королева, чтобы этим единственным жестом гостеприимства стереть клеймо, связанное с тем, что я никогда не была принята с момента нашего брака королевской семьей, его семьей»²⁴¹.

Черчилль извинился и сказал, что по возвращении можно будет обсудить работу, но герцог был непреклонен. Он написал Черчиллю 24 июня:

«Мои визиты в Англию после начала войны доказали, что присутствие там ставит в неловкое положение всех заинтересованных лиц, включая меня, и я не вижу, как какая-либо должность, предложенная мне там, даже в это время, может изменить ситуацию. Поэтому я предлагаю, поскольку я стремлюсь продолжать служить империи, найти для меня какую-нибудь полезную работу с большей официальной поддержкой, чем я получал до сих пор, в другом месте»²⁴².

В тот вечер Хоар также написал Черчиллю:

«Герцог Виндзорский очень хочет получить ответ на свою личную телеграмму, прежде чем уехать отсюда. Он не хочет выглядеть возвращающимся беженцем, которому нечего делать. Я надеюсь, что вы сможете помочь ему дружеским ответом как можно скорее. Я сказал ему, что, если он не вернется в Англию через несколько дней, о нем будут распространяться всевозможные вредные слухи»²⁴³.

Дэвид Экклз, молодой дипломат, занимавшийся разведывательной деятельностью в британском посольстве, написал своей жене 25 июня:

«Я многое узнал о крахе Франции, я не думаю, что было бы разумно излагать это в письме, но я сделал некоторые заметки, и однажды я расскажу вам отвратительную историю

²³⁸ DGFP, Series D, AA-B15/B002531, Vol. X, p. 2.

²³⁹ Hugh Dodds report to Halifax, 23 June 1940, Hugh Dodds papers, courtesy of Bel Crewe.

²⁴⁰ Похоже, это был общеизвестный секрет. Дэвид Экклз написал своей жене из британского посольства в Испании 16 июня: «Я должен уехать до того, как приедет Уолли Виндзор и все ее друзья. Я не смогу хорошо вести себя с ними, и я очень хочу быть дома». Eccles, Sybil and David., *By Safe Hand: Letters of Sybil and David Eccles 1939–1942.*: Bodley Head, 1983. P. 121.

²⁴¹ Heart, pp. 340–341.

²⁴² The Duke to Churchill, 24 June 1940, CHAR 20/9A – B/7, Churchill College, and FO800/326/197A, TNA.

²⁴³ Sam Hoare to Winston Churchill, 24 June 1940, CHAR 20/A – B/8, Churchill College.

предательства, слабости и стыда. Вам будет трудно поверить своим ушам, но, к сожалению, это правда. Уверены ли мы, что у нас нет подобной язвы в центре нашей общественной жизни? Я молюсь об этом, но мы должны быть бдительны. Я не доверяю герцогу Виндзорскому; он и его герцогиня приедут сюда погостить на следующей неделе. Я буду критически наблюдать за их завтраком, обедом и ужином»²⁴⁴.

Он был прав, проявляя подозрения. В тот же день министр иностранных дел Испании полковник Хуан Бегбедер написал генералу Франко, приложив информацию от секретаря посольства, передав разговор с Виндзором, в котором он сообщил, что герцог был против войны:

«Он возлагает всю вину на евреев, красных и Идена со своими людьми в Министерстве иностранных дел и другими политиками, всех, которых он хотел бы поставить к стенке... если бы (немцы) эффективно бомбили Англию, это могло бы принести мир. Он (герцог Виндзорский), казалось, очень надеялся, что это произойдет. Он хочет мира любой ценой»²⁴⁵.

Отчет был передан немцам.

В тот же день начальник Пятого управления НКВД Павел Филин направил в Кремль служебную записку, предположительно основанную на донесениях его агентов:

«Бывший король Англии Эдуард вместе со своей женой Симпсон в настоящее время находится в Мадриде, где поддерживает связь с Гитлером. Эдуард ведет переговоры с Гитлером по вопросу формирования нового английского правительства и заключения мира с Германией при условии заключения военного союза против СССР»²⁴⁶.

Было ясно, что Виндзоры, оставшиеся в Мадриде, становятся проблемой для британцев. 26 июня Черчилль отправил герцогу телеграмму с просьбой как можно скорее вернуться в Великобританию.

«Невозможно убедить герцога покинуть Мадрид до воскресенья и Лиссабон до среды, – сообщил Хоар премьер-министру позже в тот же день. – Он настаивает, что в такой спешке нет необходимости, если только для него не найдется какая-нибудь работа в Англии или империи. Я убедительно обосновал необходимость немедленного отъезда, но безрезультатно»²⁴⁷.

Герцог продолжал сопротивляться, отправив телеграмму Черчиллю на следующий день:

«Выражаю сожаление по поводу того, что ввиду вашего ответа на мое последнее сообщение я не могу согласиться на возврат до тех пор, пока все не будет рассмотрено и я не узнаю результат. В свете прошлого опыта мы с женой не должны рисковать тем, что британская общественность снова сочтет нас людьми, имеющими статус, отличный от статуса других членов моей семьи»²⁴⁸.

Переговоры затянулись: герцогу предложили командование военно-морским флотом или должность в штабе командующего на Ближнем Востоке генерала Уэйвелла в Египте²⁴⁹. Герцог теперь «отказался от условия получения какой-либо должности. Его требования сводились к тому, что король и королева должны принять их обоих только один раз на довольно короткую встречу, и уведомление об этом факте появилось в Циркуляре суда», – сообщил Хоар²⁵⁰. Герцог также отказался от своей налоговой позиции, но Хоар становился все более отчаянным:

²⁴⁴ Eccles, p. 128.

²⁴⁵ Document 56. Fundacion nacional Francisco Franco. Documentos ineditos para la Historia del generalismo Franco. Vol 11–1. Madrid, 1993, quoted Karina Urbach. Go-Betweens for Hitler.: Oxford University Press, 2015. Pp. 191, 192, 213.

²⁴⁶ Secret memorandum No. K5/8175, quoted Urbach, p. 202.

²⁴⁷ Hoare to Churchill, 26 June 1940, CHAR 20/9A – B/9, Churchill College.

²⁴⁸ The Duke to Churchill, 27 June 1940, CHAR 20/9A – B/13, Churchill College, and FO800/326/199B, TNA.

²⁴⁹ Hoare to Churchill, 27 June 1940, CHAR 20/9A – B/28–9, Churchill College; Templewood Papers X111/16/29, Cambridge University Library, and Alec Hardinge to Winston Churchill, 28 June 1940, CHAR20/9A-B/13–14, Churchill College.

²⁵⁰ Hoare to Churchill, 28 June 1940, CHAR 20/9A – B/16 and CHAR 20/9A/15, Churchill College, and FO800/326/199c, TNA.

чем дольше пара оставалась в Мадриде, тем больше росла вероятность того, что они будут похищены или использованы немцами.

«Не могли бы вы помочь мне с дружеским посланием, которое вернет его в Англию? Мог бы Монктон тоже помочь?» – жалобно телеграфировал он Черчиллю поздно вечером 28 июня²⁵¹.

Реакция Черчилля была быстрой, он пригрозил бывшему королю военным трибуналом:

«Ваше Королевское Высочество приняли действительное воинское звание, и отказ подчиняться прямым приказам компетентных военных властей создал бы серьезную ситуацию. Я надеюсь, что в отправке таких приказов не будет необходимости. Я самым решительным образом призываю к немедленному выполнению пожеланий правительства»²⁵².

Тем временем немцы втирались в доверие к собственности Виндзоров во Франции. 30 июня секретариат Риббентропа направил телеграмму в Протокольный отдел:

«Министр иностранных дел просит сначала дать указание Абецу провести неофициальное и конфиденциальное ненавязчивое наблюдение за резиденцией герцога. Во-вторых, послу фон Штореру следует дать указание конфиденциально проинформировать герцога через испанского посредника о том, что министр иностранных дел заботится о его защите... Однако никаких письменных заявлений сделано быть не должно»²⁵³.

Все эти сообщения поступали на фоне ряда немецких мирных инициатив. В течение первой недели июля сэр Дэвид Келли, посол Великобритании в Ватикане, который уже направил миротворческие послания от папского нунция, встретился в Швейцарии с доктором Карлом Буркхардтом, исполняющим обязанности президента Международного Красного Креста, который передал мирное предложение из Берлина.

²⁵¹ Hoare to Churchill, 28 June 1940, CHAR 20/9A – B/17, Churchill College, and FO800/326/199D, TNA.

²⁵² Churchill to the Duke, 1 July 1940, CHAR 20/9A – B/22 and CHAR 20/31A/51–2, Churchill College, and FO800/326/201A, TNA. Строка «Уже есть много сомнений относительно обстоятельств, при которых Ваше Королевское Высочество покинули Париж», была вычеркнута.

²⁵³ DGFP, 30 June 1940, AA – B15/B002536, No. 66, pp. 68–9.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.